

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Учебное пособие

Рекомендовано методической комиссией физического факультета для студентов магистратуры ННГУ, обучающихся по направлениям подготовки: 01.04.02 «Прикладная математика и информатика», 01.04.02 «Математическое моделирование физико-механических процессов», 01.04.03 «Механика и математическое моделирование, Информационное и программное обеспечение. Инженерия», 02.04.02 «Фундаментальная информатика и информационные технологии, Инженерия программного обеспечения, Когнитивные системы»

Нижний Новгород
2021

УДК 1(076)
ББК 87
Б20

Рецензенты:

д. филос. н. Сулима И.И., д. филос. н. Шетулова Е.Д.

Б20 СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ: учебное пособие /
А.М. Дорожкин, Н.Д. Асташова, С.В. Шибаршина, Д.Ю. Шаталов-Давыдов,
А.В. Сахарова. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 113 с.

ISBN 978-5-91326-626-2

Учебное пособие содержит лекционные и семинарские материалы для изучения дисциплины «Современная философия и методология науки». Подготовлено на кафедре философии ННГУ в соответствии с государственным образовательным стандартом. Для студентов магистратуры математических и инженерных специальностей.

ISBN 978-5-91326-626-2

УДК 1(076)
ББК 87

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Тема 1. Феномен современной науки (Дорожкин А.М.)	7
Тема 2. Спекулятивный реализм: истина и корреляция (Шаталов-Давыдов Д.Ю.).....	26
Тема 3. Современное прочтение проблемы рационального мышления (Дорожкин А.М., Асташова Н.Д.).....	44
Тема 4. Эволюция научной коммуникации. Риторика науки (Шибаршина С.В., Сахарова А.В.).....	56
Тема 5. «Зоны обмена» в науке и обществе (Дорожкин А.М., Шибаршина С.В.).....	64
Тема 6. В каком обществе мы живем? (Асташова Н.Д.)	71
Тема 7. Интернет как «публичное пространство» (Асташова Н.Д.).....	79
Тема 8. Этические аспекты развития современных технологий (Асташова Н.Д.).....	84
Контрольные вопросы к разделам.....	96
Темы рефератов и эссе.....	100
Основные направления философии XX-XXI вв. (таблица).....	104
Литература и электронные ресурсы	111

ВВЕДЕНИЕ

Практически все стандарты высшего профессионального образования среди главных целей и задач преподавания философских дисциплин называют не только ясное понимание концепций, но и развитие навыков самостоятельного диалектического научного мышления, направленного на раскрытие активного творческого потенциала личности; выработку высокой культуры умственного труда; формирование способностей и навыков к непрерывному самообразованию и профессиональному совершенствованию. Применение проблемного подхода в обучении наиболее точно отвечает поставленным задачам.

Проблемная форма обучения предполагает целенаправленное использование проблемных ситуаций и поиск оптимальных путей решения. Проблемная ситуация – частично или полностью осознаваемое затруднение, возникшее между наличным и теоретически предполагаемым знанием, направленным на решение актуальной задачи. Важным принципом проблемного обучения является множественность возможных путей разрешения обозначенного затруднения. Проблемное обучение направлено на напряженный поиск своего мнения через сомнение, с которого начинается движение к знанию и свободному поведению.

При данном подходе наиболее важным является понимание философии не как системы знаний, «которую можно было бы передать другим и тем самым обучить их. <...> ...путь к философии... пролегает через собственные наши испытания, благодаря которым мы обретаем незаменимый уникальный опыт» (М.К. Мамардашвили). Вузовский курс философских дисциплин дает богатый материал для недогматического усвоения научных истин: это и выявление ложного в бесспорном, это и обсуждение дискуссий, идущих внутри нашей науки, это и отделение репрезентативных фактов от случайных и т. д. Именно проблемное обучение наглядно демонстрирует процесс разрешения противоречия, заложенного в основной теории, описывающей проблемный вопрос. Например, при данном подходе философская проблема может быть представлена как проект, определяющий целое направление исследований и разрешающий целый ряд вопросов в науке и обществе.

Основная масса студентов изначально не испытывает потребности в философских рассуждениях и не понимает практической значимости предмета. В такой ситуации на занятии важно реализовать алгоритмы обучения, направленные на восприятие философского текста как личной проблемы студента, которую ему предстоит успешно разрешить. Ключевым моментом в поставленных целях становится творческое отношение при осмыслении

материала, данного студенту в лекциях и учебниках. В правильно построенном педагогическом процессе происходит движение мысли от энциклопедической системы к сопоставлению этой системы с жизненным фактическим материалом. Здесь преподаватель должен быть готов к проблемной ситуации, связанной не столько с содержанием познавательной информации, сколько с организацией процесса совместного поиска истины и поведения каждого из участников занятия. Важно контролировать, насколько студенты поняли логику теоретических философских рассуждений. Эффективным методом контроля являются задания на построение схемы развития проблемы, включающие лаконично сформулированную проблему и варианты ее творческого развития. Кроме этого, студенты должны ясно представлять, что такое философская проблема и в чем заключается ее отличие от научной проблемы; какие критерии корректной постановки философской проблемы существуют; в чем состоит отличие философских суждений и положений от научных; какова специфика философского рассуждения; на чем оно может быть основано; как может быть оценена степень его корректности; каковы могут быть стратегии философского размышления и т. д.

Окружающий мир и встающие перед нами задачи становятся все сложнее и требуют от нас системного мышления – умения понимать, как устроены сложные системы, видеть взаимосвязи, находить причины. Люди все реже занимаются одним делом всю жизнь, чаще – переходят из проекта в проект и даже меняют сферы деятельности. Развитие навыков философского мышления позволяет мыслить системно: быстро и достаточно глубоко разбираться в сложных процессах, механизмах или организациях. Философское мышление способствует формированию междисциплинарного видения проблем и эффективному переводу своих идей на язык, понятный коллегам из других областей. Кроме того, данный курс затрагивает как чисто прикладные, так и более широкие – социально-политические, общественные и философские – аспекты взаимовлияния между научно-техническим развитием и социальным прогрессом. Студенты научатся разносторонне оценивать отношения между наукой, технологиями и обществом, анализировать политические, социальные и культурные контексты и последствия трансфера новых технологий.

Данное учебное пособие адресовано магистрантам, обучающимся на математических и инженерных специальностях.

В результате изучения данной дисциплины студент должен:

- знать основные проблемные аспекты науки и научной деятельности;
- уметь ориентироваться в основных методологических и мировоззренческих проблемах, возникающих в науке на современном этапе ее развития;

– владеть основами философского мышления, навыками сбора, систематизации и самостоятельного анализа информации об этических аспектах научной деятельности, способами совершенствования собственной деятельности на основе самооценки.

Тема 1. ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Естественно-научное и гуманитарное направления современной науки

Деление наук на гуманитарные и естественные является показательной характеристикой именно для науки XX века и, следовательно, способно в определенной мере представлять ее. В общем, результаты классификации науки, также имеют свою довольно интересную и немаловажную для самой науки историю. Основные вехи этой истории таковы. Первая из известных попыток классификации была предпринята еще до фактического формирования отраслей науки. Платон и Аристотель впервые провели различие между чувственным познанием и математикой с одной стороны, и философией, как познанием с помощью сверхчувствительных идей с другой.

Аристотель (384–322 до н. э.) все знание в зависимости от сферы его применения разделил на три группы: теоретическое, где познание ведется ради него самого; практическое, которое дает руководящие идеи для поведения человека; творческое, где познание осуществляется для достижения чего-либо прекрасного. К умозрительным наукам он отнес метафизику, математику (арифметика, геометрия, астрономия, оптика, гармония, механика) и физику (все естественные науки), к практическим наукам – политику, экономику, этику. Наукам Аристотель противопоставлял «производящие искусства»: медицину, гимнастику, грамматику, музыку, риторику и поэтику. В целом их деление определялось представлением о знании субъекта как форме проявления интеллигибельного мира идей; еще одной характерной чертой этой классификации можно считать ориентацию на мораль.

Средневековье познакомилось с аристотелевской классификацией через труды Боэция (480–524), который целью философии видел познание мироздания, а вершиной – познание универсального разума. Теоретическая (спекулятивная) философия делится им на «натуральную философию» (имеется в виду физика, исследующая предметы, которые не существуют вне движения), математику (рассматривает материальные предметы, лишённые движения) и теологию (имеет дело с предметами абстрактными и лишёнными материи и движения).

Наиболее полные классификации сложились к XII в. Так, Гуго Сен-Викторский (1097–1141) в «Дидакаликоне» писал: «Философия делится на теоретическую, практическую, механическую и логическую; эти четыре раздела охватывают все научное знание»¹. Теоретическая философия состоит из теологии, математики (арифметика, музыка, геометрия, астрономия), физики.

---

¹ Сен-Викторский Г. Семь книг назидательного обучения, или Дидакаликон // Антология средневековой мысли. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2001. Т. 1.

Практическая философия – этика, экономика и политика. Механическая делится на сукноделие и ткачество, производство орудий, морское дело и навигацию, земледелие, охоту и рыболовство, медицину и театральное дело («театрику»). Логическая философия – грамматика, диалектика, риторика. Классификация научного знания, предложенная Гуго Сен-Викторским, была заимствована учеными XII – начала XIII вв. Гильом Поррейский, Теодорик Шартрский, Роберт Гроссетест также рассматривали теологию, физику, этику как составные части научного знания. Однако в практике монастырских, кафедральных и придворных школ сохранялось обучение семи свободным искусствам, на естественно-научные же исследования, относимые по-прежнему к «физике», новая классификационная система наук существенного влияния не оказала.

В XIII в. после перевода на латинский язык трудов Аристотеля проблема классификации наук была актуализирована. Появились сочинения на эту тему Герарда из Кремоны, Михаила Скотта и Доминика Гундисальви, который написал сочинение «О разделении философии» (ок. 1150). Как и его предшественники, он считал, что грамматика – инструмент философии, и ее следует изучать первой. Затем следуют поэзия и риторика. Далее необходимо изучить логику, включающую диалектику (систему доказательств). Изучившие эти науки могут приступать к трем разделам философии: физике, математике и теологии. В своей классификации наук Гундисальви следовал аристотелевской классификации (представленной как организованная иерархия предметов, восходящих от воспринимаемых объектов через математические закономерности к познанию божественного).

В XVI–XVII вв. добавился субъективный принцип классификации наук, учитывающий такие свойства человеческого интеллекта, как память (чему соответствовала история), воображение (поэзия) и рассудок (философия). Субъективный принцип в классификации наук развил Ф. Бэкон (1561–1626), деливший все знания на историю, поэзию и философию. В зависимости от познавательных способностей человека (таких как память, рассудок и воображение) он разделил науки на три большие группы: 1) история как описание фактов, в том числе естественная и гражданская; 2) теоретические науки, или «философия» в широком смысле слова; 3) поэзия, литература, искусство вообще. В составе «философии» в широком смысле слова Бэкон выделил «первую философию» (или собственно философию), которую, в свою очередь, подразделил на «естественную теологию», «антропологию» и «философию природы». Антропология разделяется на собственно «философию человека» (куда входят психология, логика, теория познания и этика) и на «гражданскую философию» (т. е. политику). При этом Бэкон считал, что науки, изучающие мышление (логика, диалектика, теория познания и риторика),

являются ключом ко всем остальным наукам, ибо они содержат в себе «умственные орудия», которые дают разуму указания и предохраняют его от заблуждений («идолов»).

Оригинальную классификацию научных знаний разработал Томас Гоббс (1558–1679). Предметом науки, полагал Гоббс, являются «тела», их причины и свойства. Наука не изучает тексты божественного откровения и вопросы истории. Тела делятся на естественные (природные) неодушевленные, естественные одушевленные (т. е. человек) и искусственные (государство). Соответственно науки классифицируются в зависимости от объекта следующим образом: науки о естественных телах; об одушевленных телах и о человеке; об искусственных телах, т. е. о государстве.

Рене Декарт (1596–1650) развил объективный принцип классификации наук в соответствии с признаками самих предметов знания. Поль Гассенди (1592–1655) восстановил классическое деление наук на логику, физику и этику. В XVIII в. французские энциклопедисты (Д. Дидро и д'Аламбер) в основном приняли принципы и схему Бэкона, выделив основные разделы (природа, общество и мышление).

В первой половине XIX в. выделились две линии классификации наук. Первое направление основано на принципе координации: от общего к частному в порядке убывающей общности (К. А. Сен-Симон, О. Конт). Огюст Конт (1798–1857) располагал основные науки по убывающей простоте и сложности: математика (включая механику) – астрономия – физика – химия – физиология (включая психологию) – социология. При дальнейшем расчленении этих наук Конт руководствовался идеей противоположения между абстрактным и конкретным и между статической и динамической сторонами явлений. Математика, занимающаяся определением неизвестных величин через соотношение их с известными, разделяется на абстрактную, или учение о числах вообще, и конкретную, занимающуюся уравнениями в области пространственных форм и явлений природы; вторая, в свою очередь, расчленяется на статическую, или геометрию, и динамическую, или механику. Астрономия прилагает математические законы к определенным конкретным телам нашей Солнечной системы (пределами которой Конт ограничивал область этой науки); это есть небесная геометрия и механика. Особый факт природы, составляющий специфический элемент астрономии, есть мировое тяготение, не вытекающее из данных чистой математики, хотя и определяемое математически в своих законах. Физика занимается такими явлениями телесной природы, при которых частичный состав тел остается неизменным: вес, теплота, звук, свет и электричество. Она сложнее астрономии как по орудиям непосредственного чувственного познания, которыми, сверх зрения, употребляемого астрономией,

служат еще слух и осязание, так равно и со стороны научного метода, к средствам которого, сверх наблюдения и вычисления, присоединяется здесь еще эксперимент. Химия изучает изменения в составе веществ или те явления их сочетаний и разрешений, которые происходят из особого частичного взаимодействия тел или так называемого избирательного сродства. Биология имеет специфическим предметом органические или живые тела. Биология разделяется на статическую, или анатомию, и динамическую, или физиологию¹. Завершающая эту лестницу наук социология изучает строение и развитие человеческой общественности, первое – в социальной статике, второе – в социальной динамике. Конт доказывал, что между всеми видами знаний существует глубокая внутренняя связь. Однако контовская классификация наук носила статический характер.

Второе направление в первой половине XIX в. разработало принцип субординации на основе принципа развития духа (Ф. В. Шеллинг, Г. Гегель). Георг Гегель (1770–1831) положил в основу классификации принцип развития и иерархии форм знания. Абсолютная идея проходит в своем развитии три этапа, которые изучают соответственно логику (диалектика и теория познания), философию природы, философию духа. Философия природы подразделялась на механику, физику (включающую и изучение химических процессов) и органическую физику, которая последовательно рассматривает геологическую природу, растительную природу и животный организм.

Во второй половине XIX в. популярность получил неокантианский подход, исходивший из принципиального различия между науками о природе (явления которой считались закономерными) и об обществе (истории, события которой представлялись хаосом случайностей). Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) предлагал различать науки не по предмету, а по методу. Он делил научные дисциплины на номотетические и идеографические. Номотетические науки ориентированы на установление общих законов, регулярности предметов и явлений. Идеографические науки направлены на изучение индивидуальных явлений и событий. Разделение номотетического и идеографического методов стало важным шагом в классификации наук. Номотетический метод (от греч. *nomothetike* – «законодательное искусство») направлен на обобщение и установление законов и проявляется в естествознании. Согласно различению природы и культуры, общие законы несоизмеримы и не соотносимы с уникальным и единичным существованием, в котором всегда присутствует нечто невыразимое при помощи общих понятий. Отсюда следует вывод о том, что номотетический метод не является универсальным методом познания и что для

---

¹ Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 10–30.

познания «единичного» должен применяться идеографический метод. Идеографический метод (от греч. *idios* – «особенный», *grapho* – «пишу») – это метод исторических наук о культуре. Суть его – в описании индивидуальных событий с их ценностной окраской. Среди индивидуальных событий могут быть выделены существенные, но никогда не просматривается их единая закономерность. Тем самым исторический процесс предстает как множество уникальных и неповторимых событий, в отличие от заявленного номотетическим методом подхода к естествознанию, где природа охватывается закономерностью.

Вообще говоря, наука, как никакая другая сфера деятельности, насыщена различного рода неопределенностями, парадоксами и проч., затрудняющими и так нелегкий ее путь к истине. Однако трудности во взаимоотношении естественнонаучной и гуманитарной компонент науки особенные. Дело в том, что любая классификация наук и, в первую очередь, такая ее характеристика как взаимоотношение гуманитарной и естественно-научной составляющих, во многом определяет уровень научного осознания реальности, выделяя науку как особую форму такого осознания от других его форм. И как раз в этом плане наука XX века отличается от предшествующих ее состояний. Указанием на эту ее особенность мы обязаны, в частности, не очень известному (кроме философов) ученому Г. Риккерт (1863-1936). Г. Риккерт, развивая выдвинутую Виндельбандом идею о разделении номотетических и идеографических наук, приходит к выводу, что различие вытекает из разных принципов отбора и упорядочивания эмпирических данных. Для Риккерта центральной является идея, что данная в познании действительность имманентна сознанию. Безличное сознание конституирует природу (естествознание) и культуру (науки о культуре). Естествознание направлено на выявление общих законов как априорных правил рассудка. История занимается неповторимыми единичными явлениями. Естествознание свободно от ценностей, культура и индивидуализирующее понимание истории есть царство ценностей.

С точки зрения Риккерта, если классифицировать науки, основываясь на предмете их исследования, то неизбежно столкновение с неразрешимой проблемой. Дело в том, что наука исходит в своем развитии из обычного здравого смысла, критически перерабатывая его выводы. Но некоторые из них остаются в науке как ее неявные основания, принципы или положения. И одно из таких положений — деление мира на природный и духовный. При этом естественные науки исследуют природу, а гуманитарные в качестве предмета имеют духовность. Но в таком случае мы должны полагать, замечает Риккерт, что кроме предмета, науки ничем не отличаются, и все науки должны быть тождественны по своим характеристикам, что далеко не соответствует

реальному состоянию различных наук. Гуманитарные науки объективно отличаются от естественных. Причем, с учетом вышеотмеченных положений, отличие может быть обусловлено лишь коренным несоответствием природного и, допустим, социального, однако, очевидно, что история никак не является дисциплиной, характеризующей духовный мир человека, как и целый ряд других гуманитарных дисциплин. Следовательно, решение о делении наук на гуманитарные и естественные в соответствии с принятым делением мира на природный и духовный следует признать некорректным.

По Риккерт, устранить некорректность можно лишь с помощью заключения о том, что коренное различие между двумя классами наук не зависит от предмета исследования. Науки разделяются на естественные и гуманитарные не по своему предмету, а по методу. Метод, с точки зрения Риккерта, играет решающую роль в науке не только как способ получения результатов. Он является также орудием формирования предмета исследования науки, того предмета, который О. Конт посчитал независимым основанием. При наличии одного и того же изначально названного предмета исследования, по мере того, как меняется метод исследования, меняются установки, определяющие предмет науки. Таким образом, предмет науки является неким основанием, которое наука задает себе самой. И в этом смысле такое основание является продуктом этой же науки. Способ формирования основания и называется, по Риккерт, *методом науки*.

Итак, конкретный, определенный метод порождает конкретный предмет, последний же, если угодно, может быть причиной классификации наук, в том числе и разделения их на гуманитарные и естественные. Такое деление, в свете вышеотмеченного, возможно не потому, что обыденное сознание делит мир на природный и духовный, а потому, что используемые противоположные характеристики основания науки – разнородность, непрерывность, однородность и прерывность – можно употреблять парами. Если для формирования оснований мы выбираем непрерывность и однородность, то получаем предмет (основание) естествознания; если же разнородность и прерывность – то «науки о культуре». Наконец, если исключить из формирующихся оснований все отмеченные характеристики, мы получим предмет «математика». В перечисленном списке нет философии, но легко догадаться, что ее предмет можно обнаружить при использовании всего набора перечисленных характеристик предмета исследования. Отметим особо, что термин «науки о культуре» появляется у Риккерта не случайно: он заменяет неверное понимание гуманитарных наук как «наук о духе». Экспериментальная психология, например, являясь «наукой о духе», не есть «наука о культуре» и поэтому попадает в разряд естественных.

При всей противоречивости и открытости для критики идея Риккерта послужила основанием для широчайшего обсуждения специфики гуманитарных наук и отношения последних к естествознанию, что, в свою очередь, способствовало выяснению и статуса гуманитарного знания, и места, и роли всей науки в мире. Сам Риккерт, как ни странно, провел довольно четкую грань между естественно-научной и гуманитарной отраслями науки, но гораздо перспективнее оказалась не идея разделения, а идея взаимопроникновения этих направлений, потому что именно на базе идеи синкретического единства естествознания и гуманитарных отраслей удалось наметить новое понимание статуса науки. Наука есть нечто большее, чем непосредственная производительная сила, тем более нельзя полагать науку орудием господства человека над природой.

Немецкий физиолог, психолог и философ Вильгельм Вундт (1832–1920) выделил три области наук: математика, естественные науки и науки о духе. Только естественным наукам удалось добиться твердого положения. Математика то причислялась к естественным наукам, то рассматривалась как вспомогательная дисциплина. Науку о духе то пытались присоединить к естественным наукам, то признавали ее самостоятельность. Вундт предлагал делить специальные науки на формальные и реальные. К формальным наукам относится чистая математика в силу присущего ей абстрактно-формального характера. Прочие дисциплины, занимающиеся реальным содержанием опыта, относятся к реальным опытным наукам¹.

С определенной долей истинности можно утверждать, что наука сформировала современного человека как существо мыслящее, формирующее определенный взгляд на то, что он считает внеположным ему, в том числе и на то, что он называет сверхъестественным, потому что то, что называется естественным тоже во многом, если не во всем, зависит от уровня развития науки. До XX века человек был слишком занят покорением природы и не обращал внимания на то, что и природа, как объект покорения, и сама процедура покорения есть по сути итоги человеческого культурного, гуманитарного освоения — не покорения, а именно освоения — мира и самого себя, как части этого мира, возникшей на определенном этапе его эволюции.

По мере развития идеи о зависимости оснований науки от метода, различие между естественно-научным и гуманитарным знаниями осталось, но стало столь же условным, как и предельные основания научного знания. Собственно, осознание данного обстоятельства и сделало возможным размывание границы между естественно-научным и гуманитарным знаниями. Довольно

---

¹ Вундт В. Введение в философию. М. : «ЧеРО» : «Добросвет», 2001, С. 44–65.

показательным следствием этого является ориентация нынешнего высшего образования на гуманитаризацию естественно-научных дисциплин и знакомство студентов-гуманитариев с концепциями современного естествознания. Далеко не со всеми планами конкретных реализаций новых вузовских программ отмеченных ориентаций можно согласиться, однако в тех из них, которые знакомят слушателей с проблемой оснований научного знания, – как естественно-научного так и гуманитарного, — несомненно содержится много ценного, имеющего хорошие перспективы развития.

Феномен научной неопределенности

Понятие «неопределенность» можно считать сегодня одним из популярных понятий, используемых не только в философских исследованиях, но и в работах в области гуманитарных, социальных, естественных наук, рассматривающих это понятие в различных исторических контекстах и ситуациях. Однако зачастую авторы публикаций используют этот термин стихийно, не углубляясь в его смысл. Понятие «неопределенность» приобретает известность в научных кругах в начале XX в. в связи с открытиями в квантовой механике. Принцип неопределенности, описанный В. Гейзенбергом, доказывает наличие в физической картине мира онтологической неопределенности. С гносеологической точки зрения неопределенность понимается как невозможность применения понятий устоявшейся теории для описания новых явлений¹.

Таким образом, развитие естественных наук начала XX в. и философское осмысление этого процесса возводят понятие неопределенности в ранг популярных и часто используемых как в науке, так и в философии. Но прежде чем начать использовать это понятие в частнонаучном или философском аспекте, необходимо обратить внимание на тот факт, что первоначально понятие «неопределенность» использовалось исключительно для характеристики познавательной ситуации именно в науке. Между тем, отождествляя философию и науку, некоторые исследователи идеи неопределенности механически приравнивают научную неопределенность к философской. Так, В. С. Диев в статье «Риск и неопределенность в философии, науке, управлении» не находит различий между философской и научной неопределенностью, объясняя это тем обстоятельством, что граница между наукой и философией «постоянно сдвигается, и из “ничейной”, читай философской, проблема может стать научной»². Используя известную метафору Б. Рассела о философии как

---

¹ Дорожкин А. М. Научный поиск как постановка и решение проблем. Н. Новгород, 1995. С. 35.

² Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 83.

«ничейной земле» между наукой и религией, В. С. Диев заключает, что «вопрос о существовании объективной неопределенности и случайности вышел из философской проблематики и перешел “на землю” естествознания, где на него был дан положительный ответ»¹. Действительно, в рамках естествознания можно говорить о том, что существует онтологическая неопределенность. Однако это не дает нам основания полагать, что проблема неопределенности является решенной в полной мере, особенно если не ограничивать понятие неопределенности исключительно его онтологическим смыслом, и поэтому предлагаем рассматривать данное понятие через систему субъектно-объектных отношений.

Логично предположить, что неопределенность есть понятие, выражающее определенный феномен (или даже несколько), который, так или иначе, связан с познавательным субъектно-объектным отношением. При этом даже в самой простой схеме этих познавательных отношений, такой, когда субъект выступает в качестве пассивной стороны, можно выделить по крайней мере четыре из таких феноменов. Неопределенность есть понятие, которое может отображать: свойства объекта (1); условия взаимодействия объекта и субъекта (2); особенности субъективного восприятия (3); особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием (4). Теперь более детально рассмотрим вопрос о том, какие из этих феноменов обуславливают онтологическую, а какие – гносеологическую неопределенность.

Объективная неопределенность

Этот тип неопределенности чаще всего используется в совокупности с такими понятиями, как моделирование, риск, вероятность. Легко увидеть, что объективная или «онтологическая неопределенность» сквозь призму нашей схемы появляется лишь в одном случае, когда она отображает некие свойства объекта. В этом смысле гейзенберговская неопределенность как характеристика объекта самого по себе, независимо от субъекта (невозможность существования одновременно точных значений координаты и импульса), является действительно классическим примером онтологической неопределенности. Однако следует обратить особое внимание на тот факт, что в неклассической науке вследствие невозможности непосредственного наблюдения за объектами микромира, наблюдение за реальными физическими явлениями заменяется описанием поведения идеализированных объектов: физический эксперимент заменяется мыслительным экспериментом. Но тогда понятие «неопределенность» возникает вследствие невозможности проведения

---

¹ Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 83.

реального (наблюдаемого) эксперимента над исследуемыми объектами и поэтому не может быть выведено за рамки теоретического естествознания.

Процесс идеализации неразрывно связан с моделированием – построением теоретических систем, заменяющих реальные объекты. Моделирование имеет важное познавательное значение, поскольку позволяет представить в наглядной форме познаваемые объекты или связи между частями объекта как целого. Исследование неопределенности через призму данного приема исследования является сегодня одним из приоритетных в естественных науках. Это отмечает Е. Ю. Куликова¹, которая особое внимание уделяет анализу неопределенностей, который исходит из используемых данных, методов и моделей, применяемых для оценки ожидаемого риска. Автор не упоминает, о каком риске идет речь, но из контекста становится ясным, что это риск окончательного вывода. «Анализ неопределенностей предусматривает определение изменений и неточностей в результатах моделирования, которые являются следствием отклонения параметров и предположений, применяемых при построении модели»². Поскольку неопределенность является неким параметром, который характеризует модель, то это означает, что ее можно увеличить или уменьшить, другими словами, исчислить. Однако попытка Е. Ю. Куликовой увязать понятие «неопределенность» с тем обстоятельством, что естествознание изучает модели, является, с нашей точки зрения, не совсем удачной. Заявление о том, что естествознание изучает только модели, а не действительность, реальность, вряд ли будет поддержано философами и естествоиспытателями. Во всяком случае, учебники по философии науки³ отмечают, что одной из особенностей естественнонаучной теории является то, что объектом естествознания является не реальность, а идеализированные объекты. В определенной мере эти идеализированные объекты можно считать моделями, но опытное, экспериментальное естествознание работает с реальными объектами, а также использует приборы, фиксирующие определенные состояния реальных объектов. Вопрос о том, в какой мере чувственную информацию, исходящую не от самого объекта, а от приборов, можно назвать всего лишь моделью самого объекта, является, с нашей точки зрения, очень спорным. Здесь более адекватным будет не понятие «модель», а «предмет» исследования. Нельзя сбрасывать со счетов принцип теоретической загруженности факта, весьма хорошо представленный в философии науки, особенно через его последствия для

---

¹ Куликова Е. Ю. Понятие «неопределенность» и прогнозирование оптимального вектора развития природно-технической геосистемы // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2006. № 6.

² Там же. С.14.

³ Например: Философия науки в вопросах и ответах. М., 2008. С. 125.

формирования естествознания, у П. Фейерабенда. Кроме того, следует обратить особое внимание на соотношение понятий «модель» и «моделируемый объект». Осуществление процесса моделирования возможно исключительно в результате установления соответствия между моделью и реальным объектом. Только при наличии этого допущения прием моделирования позволяет исследовать области реальности в их полноте и целостности.

Кроме анализа неопределенности в естественнонаучных исследованиях к разряду онтологических следует отнести и исследования неопределенности в области экономики. Чаще всего неопределенность понимается как условие, принимаемое для составления более точного прогноза будущей экономической ситуации. В данном случае близким по содержанию выступает понятие риска. Задачи исследования неопределенности в таком случае зачастую сводятся к попыткам расчета степени неопределенности: «Для оценки риска сначала необходимо “измерить” неопределенность, возникающую в результате принятия решений субъектом, т. е. определить и дать количественную характеристику вероятности возможных событий»¹. На основании этого можно заключить, что в экономике неопределенность используется для характеристики ситуации нестабильности, когда прогностические суждения носят сугубо вероятностный характер.

В экономических работах понятие риска используется намного чаще, чем в естествознании, и здесь, так же как в анализируемой выше работе, понятие «риск» не раскрывается. Опять же из контекста работы можно сделать вывод о том, что риск в подобных работах есть риск, обусловленный несопадением реальной экономики и моделей экономического развития. Системный подход как междисциплинарное направление исследования систем разного рода для описания объективной картины мира использует понятие вероятности. Вероятность (а следовательно, неопределенность) есть изначально заложенный параметр развития системы. Другими словами, сложный характер систем и наличие многообразия связей между ними предполагает, что говорить о том или ином сценарии развития системы мы можем лишь со значительной долей вероятности.

Н.М. Урманцев в статье «Свобода человека и неопределенность его выбора» интерпретирует это так: «Следствием действия случайности... является некоторая принципиальная неопределенность хода событий и процессов, а значит, неопределенность представляет фундаментальные начала мира, его устройства и развития: неустойчивость, изменчивость, спонтанность

---

¹ Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 86.

(непредсказуемость будущего, не выводимость полностью достоверного знания из ранее известного), порождаемость нового»¹. Другими словами, наличие на жизненном пути человека так называемых точек бифуркации означает ситуацию нестабильности, когда осуществляется выбор дальнейшего пути. «Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью характеризуется будущее вообще... Отсюда и постоянный веер возможностей (человек – имманентная “точка бифуркации”, постоянное о-пределение (наделение пределом), означивание и выбор)»².

Подводя некий итог приведенным суждениям о понятии объективной неопределенности, заключим, что процедура моделирования, являющегося одной из главных процедур теоретического познания в приведенных концепциях, накладывает отпечаток на понятие «неопределенность». Неопределенность здесь носит исключительно вероятностный характер. Понятие онтологической неопределенности чаще всего используется в работах, посвященных естественнонаучным и экономическим проблемам. При этом практически все они характеризуют неопределенность как не выявленную адекватность, или неадекватность модели оригиналу. Довольно часто (особенно в последних работах) употребляется понятие риска как невыявленного несоответствия модели оригиналу. Основным недостатком этих работ мы усматриваем в том, что не выявлено основание, по которому оригинал определяется таковым. Это известная юмовская проблема, однозначного решения которой до сих пор не найдено. Мы называем эту неопределенность онтологической, так как в данном случае сравниваются две онтологические реальности: модельная и «настоящая». Однако при этом возникает еще один вопрос: насколько модельную реальность можно считать онтологической? Конечно, существует так называемое «физическое» моделирование, когда реальный процесс заменяется его ментальное физическим аналогом. Но подобного рода приемы сейчас довольно редки. Рискнем отметить, что перспективы выявления онтологической неопределенности весьма туманны. Гораздо перспективнее обратить внимание на другие аспекты этого понятия.

Неопределенность и субъектно-объектное взаимодействие

Более сложным представляется неопределенность, выражающая второй из отмеченных нами феноменов – как условие связи субъекта и объекта. В полном смысле слова онтологической она не является. Однако и гносеологической ее назвать нельзя. Ответ на вопрос о взаимодействии субъекта и объекта познания

---

¹ Урманцев Н. М. Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 2. С. 120.

² Там же. С. 120.

имеет исторический характер. Концепцию принципиального разделения субъекта и объекта познания впервые в истории философии мы встречаем у Рене Декарта. Согласно принципу изолированности субъекта от объекта понятие неопределенности может использоваться либо для обозначения неизвестных свойств объекта, либо для характеристики субъективной стороны познавательного процесса, но никак не для взаимодействия субъекта и объекта. Отсутствие взаимосвязи между субъектом и объектом познания считается одним из противоречивых пунктов философии Р. Декарта. Признавая ошибочность концепции Р. Декарта об изолированности мыслящего «Я», познание мы будем представлять как движение знания от субъективного к объективному, как воспроизведение в знании субъекта свойств объекта. Типичной, но явно не фиксируемой ошибкой, является попытка обнаружения неопределенности между реальностью и нашим воспроизведением реальности. Но кто эту познаваемую реальность представляет? В рамках уже представленного нам субъектно-объектного отношения познаваемая реальность есть сам объект исследования, а наше знание – чувственный или рациональный образ самого этого познаваемого объекта. В таком случае уместно задать вопрос: кто и когда будет фиксировать эту познаваемую реальность и наше отношение к реальности? В ходе познания мы, стремясь к истине, в наиболее доступной степени создаем знание об объективной реальности наиболее адекватно. В силу абсолютности истины на данный момент наше знание есть объективная реальность. Поэтому говорить о неопределенности в данном случае не имеет смысла.

О неопределенности как понятии в системе субъектно-объектных отношений можно говорить в смысле соотношения между желаемым знанием и наличным знанием. В этом случае возникает другой вопрос: откуда берется это желаемое знание? Здесь представляется возможным отметить новый, никем еще не рассматриваемый аспект понятия «неопределенность»: наличное, настоящее знание одного субъекта может быть соотнесено с наличным знанием другого субъекта, обладающего более глубокими и основательными знаниями о реальности, например знание ученика и учителя. Учитель может и вправе посчитать знания ученика о реальности недостаточными. Он должен убедить ученика в этом. Тогда ученик может и должен характеризовать свои знания как неточные, неполные, неопределенные. Здесь в наше изначальное субъектно-объектное рассмотрение вводятся субъект-субъектно-объектные отношения. Таким образом, субъективное восприятие не является изолированным образованием. Знание субъекта представляет собой способ нахождения определенного места субъекта в объективном мире, его самоориентацию в мире объектов-вещей и других субъектов. Понятия «субъект» и «объект» становятся в

данном случае взаимопереходящими. Определяя свое место в мире, субъект выступает для себя в качестве объекта познания. Вместе с тем знание в данном случае интерсубъективно.

Специальному анализу неопределенности в аспекте коммуникации посвящена работа О. Б. Соловьева¹. Под неопределенностью О. Б. Соловьев понимает состояние непонимания как нарушения системы коммуникационного взаимодействия. Сложность выстраивания коммуникации напрямую зависит от того, что понимание как феномен находится «на границе между миром внешнего (экстериоризированного) и миром внутреннего (интериоризированного). Это точка проникновения мира внутреннего, субъективного в мир внешний, объективный. Но это также и точка обратного перехода, когда внешний мир становится внутренним, строится в феноменальном, символическом пространстве мыслящего “я”. Первый переход осуществляется как объективация субъективного содержания мыслительной деятельности, второй – как идентификация субъекта с объективно данным ему культурой смысловым содержанием предметной деятельности и коммуникации»².

«Эффект неопределенности» возникает в ситуации нарушения коммуникативной связи между субъектами. Но вместе с тем, по мнению автора, неопределенность может быть преодолена в результате доступа субъекту коммуникации социальных кодов, «социокультурного плана объективной предзаданности понимания индивидуальному человеческому сознанию и ментального плана субъективной интерпретации смысла»³. Итак, неопределенность понимается в данном случае как нарушение коммуникации и результат непонимания.

Р.В. Шамолин в статье «Гуманизм и неопределенность субъективной идентичности» отмечает, что «в нашем существовании мы имеем дело с неопределенностью в двух случаях: когда фиксируем ее присутствие в попытках схватить неотчуждаемую суть собственной идентичности и когда, обращаясь к миру явлений, пытаемся удержать о нем стабильное представление»⁴.

Процесс преодоления субъективной идентичности, по мнению автора, имеет истоки в философии гуманизма, утверждается в концепции абсолютного субъекта в Новое время; индивидуальные свойства субъекта стираются и замещаются свойствами всеобщего. Субъект становится неопределенным. Данные размышления подчеркивают перспективность более детального

---

¹ Соловьев О. Б. Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2008. Т. 2, вып. 1.

² Там же. С.63.

³ Там же. С. 66.

⁴ Шамолин Р. В. Гуманизм и неопределенность субъективной идентичности // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2011. Т. 5, вып. 1. С. 73.

исследования предпосылок формирования понятия неопределенности в истории философии. Но это задачи последующих исследований.

Теперь обратимся к анализу неопределенности как характеристики субъективного восприятия.

Неопределенность и особенности субъективного восприятия

Современное представление о субъективности позволяет выделить два основных значения этого понятия. Субъективное может пониматься как знание и как личное переживание. В предыдущем пункте мы показали, что субъективное и объективное не могут быть жестко противопоставлены как знание субъекта об объекте и сам этот объект. Здравый смысл указывает на то, что в эмпирическом знании субъекта отражается объект познания. Вместе с тем, субъективное знание есть всегда знание конкретного человека. А поскольку оно основывается на индивидуальных особенностях познавательных способностей человека, его органов чувств, другими словами, физических составляющих, следовательно, знание начинается с субъективной стороны, которая является для других неопределенной, недоступной, закрытой.

Однако не следует исключать возможности возникновения неверного, искаженного знания, заблуждения относительно объекта, которое можно понимать в смысле неадекватности наличного субъективного знания объекту.

На эту особенность субъективного восприятия впервые обратили внимание софисты, подчеркивающие значение индивидуальных предпочтений, пристрастий, мнений в формировании субъективного знания. В Новое время это послужило основой трактовки такого рода субъективных, личностных характеристик в смысле неопределенностных, т. е. мешающих конструированию истинного знания о мире. Таким образом, неопределенность, субъективность понимались как недостаток, от которого необходимо избавиться в процессе восхождения к истине. Данная когнитивная установка имеет место и в современной теории познания. Действительно, объективность – необходимое условие истинного знания.

Другое направление исследования неопределенности лежит в плоскости рассмотрения субъективного как личностного переживания субъекта. Внимание к этой стороне познавательного процесса является одной из ключевых особенностей неклассической философии и науки.

В этом смысле особый интерес вызывает статья О. Н. Первушиной «Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы». Основываясь, главным образом, на научно-психологической литературе, автор заявляет, что ситуацию, которую можно классифицировать как неопределенностную, невозможно свести к ситуации выбора: «В случае столкновения с неопределенностью состояние человека иное: он встречается с чем-то новым,

неизвестным, неожиданным и не имеет возможных вариантов решения и поведения – эти варианты необходимо сначала породить, изобрести, а затем уже анализировать, взвешивать, выбирать»¹. С этой точки зрения ситуация неопределенности понимается как неструктурированная, не предполагающая наличие веера возможностей, ориентиров, направляющих поведение человека. О.Н. Первушина отмечает, что психика человека устроена таким образом, что он стремится устранить неопределенность, иметь достаточную долю уверенности, стабильности, человек пытается найти логичное объяснение происходящим процессам и принимать осознанные решения. Этот тезис принимается современными психологами на основе уже разработанных концепций в истории психологии. С антропологической точки зрения это дает нам основание понять стремление человека найти в жизни свое место, предназначение, смысл. «Для развития общества и отдельного человека необходимы определенные ориентиры. В периоды хаоса, когда все рушится, неопределенность становится беспредельной. Возникает настоятельная потребность в уменьшении этой неопределенности за счет появления островков стабильности, устойчивости, определенности. Наступает черед невостребованных вариантов развития, ценностно-смысловых установок, целевых ориентиров»².

Общий обзор примеров использования данного понятия в психологической науке также демонстрирует статья Е. Ю. Лихачевой. В психологии неопределенность может пониматься как психологическое переживание в предельных, кризисных ситуациях. Автор формулирует общее видение неопределенности следующим образом: «Неопределенность – это отсутствие у субъекта ситуации ее целостного видения, ее контекста, значения и смысла, возможностей и тенденций ее дальнейшего развития. Ситуация неопределенности включает внешнюю (объективные характеристики) и внутреннюю (психологическое переживание) стороны»³.

Таким образом, неопределенность не всегда присутствует в познании. Это есть некое отношение, установка к познанию внешнего мира, принятие его изменчивости, нестабильности. Неопределенность связана с принятием субъектом принципиально нового, необычного, не поддающегося осмыслению в рамках заданной парадигмы. С точки зрения психологии, принять неопределенность готов не каждый человек. Существует зависимость от индивидуальных особенностей человеческой психики.

---

¹ Первушина О. Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2007. Т. 1, вып. 1. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Лихачева Е. Ю. Смыслообразование как механизм преодоления неопределенности (на материале имитационных игр) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Психологические науки. 2010. № 3. С. 23.

Что касается анализа ситуаций неопределенности в философской литературе, то на несводимость таких ситуаций к процедуре выбора из нескольких известных альтернатив указывается уже давно и неоднократно. К неопределенности, по мнению Н. В. Мишиной, приводит специфика человеческого сознания как наличие свойства «воспринимать информацию в “неявном” виде. Субъект, получая поток информации, осознает только часть ее, а остальную хранит в неэксплицированном виде (Х. Дрейфус, М. Полани, В. А. Лекторский и др.) Знание, существующее как неявный компонент, жестко не структурировано, не концептуализировано. Это дает возможность каждому воспринимающему субъекту выбирать из потока информации “свое” и интерпретировать по-своему»¹. Данный подход Н. В. Мишина распространяет не только на философское знание, но и на научное. «Долгое время в науке наличие неопределенных понятий рассматривалось как факт ее недостаточно высокого уровня. Однако возможны ситуации, когда стремление к созданию жестких определений, различные уточнения и исправления могут даже препятствовать пониманию. И напротив, более эффективными оказываются гибкие, вероятностные соотношения между подразумеваемым содержанием знания и способами ее выражения»². Данная диссертация была защищена более 20 лет назад, а современная наука и философия (что демонстрирует наш обзор проблемы) по-прежнему зачастую не принимает эти установки. Наличие определений, жестко обоснованных доказательств является условием успешности теории, и не только научной, но и философской. Стирание индивидуальных свойств мыслящего субъекта, его личное понимание, видение процесса, интуитивное выдвижение гипотез остается за рамками исследований. Вместе с тем очевидно, что не только логические доказательства, решение проблемы, структура ответа на вопрос, но сама постановка вопроса, интенции субъекта к вопрошанию составляют процесс интеллектуального творчества. Эта сторона мыслительного процесса играет существенную роль в осуществлении познания субъектом объекта, вместе с тем установление связи между субъектом и объектом становится достаточно проблематичным. Именно для характеристики такого рода связи можно использовать понятие «неопределенность».

Особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием

Более сложным, хотя бы гипотетически, является вариант отношения наличных знаний субъекта с его будущими знаниями. Субъект, имеющий

---

¹ Мишина Н. В. Генетические основания и логические формы выражения неопределенности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991.

² Там же.

определенную познавательную практику и фиксирующий прогрессирующие шаги в познании реальности, вправе считать, что его прошедшие знания по отношению к наличному, казавшиеся точными и полными, ныне должны характеризоваться им как неполные и неточные. Неопределенность используется здесь как характеристика уже прошедшего знания, которое, исходя из современного состояния, уже кажется таким. Но такое отношение между прошедшим и новым знанием может быть неоднократным. Обладая познавательной практикой, в ходе которой мы узнаем, что любое из прошедших знаний характеризуется этим состоянием, мы наличное знание можем характеризовать как неопределенное. В этом смысле неопределенность можно трактовать как наличие специфической познавательной установки.

Н.М. Урманцев применяет понятие «неопределенность» для описания состояния «неустойчивости» человека в изменяющемся мире: «Стараться уйти от неисполнимого желания определенности и законченной осмысленности и встать на почву того, что Алан Уотте назвал “мудростью неопределенности”, и открыть для себя то, что А. Камю пытался найти для себя – возможностью удовлетвориться неизвестностью. Если мы принимаем неопределенность в качестве своей философии, это могло бы помочь нам относиться с большим уважением и терпимостью к различным взглядам на жизнь и получать большое удовольствие от разнообразия причудливых и удивительных толкований действительности»¹.

Показательным в данном случае является обращение к понятиям абсолютной и относительной истины. Относительное знание есть неполное знание об объекте. Процесс познания бесконечен: обращаясь к анализу одной стороны объекта, мы неизбежно наталкиваемся на неизвестные ранее его стороны. Знание расширяется. В этом смысле истина недостижима, абсолютное знание об объекте во всем многообразии его свойств не может быть определенным. Однако возникает вопрос: нужно ли считать абсолютно любое знание неопределенным полностью? В этом смысле можно вспомнить концепцию В. И. Ленина о зернах абсолютности в относительности истины. В соответствии с этим неопределенным в абсолютном смысле наше знание не является. Здесь неопределенность другого уровня, поскольку нам не известен неопределенный элемент наших знаний. Не стоит сбрасывать со счетов зависимость познания от целей, которое оно преследует. Зачастую нам не требуется наличие всей полноты знания об объекте, нас интересует только определенная сторона объекта. Познание направлено на устранение незнания об объекте. И неопределенность в данном случае устраняется, поскольку она

---

¹ Урманцев Н. М. Неопределенность бытия и свобода человека // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5. С. 114.

понимается как незнание. Но следует отметить, что цели познания также могут расширяться. Допустим, что учитель считает знания ученика достаточными для определенного уровня. Но со временем, расширяя сферу его познания, он будет ставить перед учеником новые задачи. Произойдет развитие знания, предыдущего знания станет недостаточно для ответов на новые вопросы. Те же процессы характерны для истории развития знания в целом, истории науки. Сталкиваясь с новыми сторонами реальности, не имеющими объяснения в наличествующей теории, старая картина мира сменяется новой.

Дорожкин А.М.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- Целесообразность противопоставления «физиков» и «лириков» в современной культуре
- «Неопределенность» как состояние «неустойчивости» человека в изменяющемся мире
- Проявления неопределенности человеческого сознания
- Современное звучание сократовской констатации «я знаю, что ничего не знаю»

Тема 2. СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ: ИСТИНА И КОРРЕЛЯЦИЯ

Спекулятивный реализм объединяет достаточно большое количество исследователей, общим среди которых является собственно сам реализм, обращение к новой онтологии (онтологии, очищенной от приоритета разума), к метафизике (анализ корреляции и попытка выхода из корреляционного круга) и к статусу просветительского проекта (анализ события осуществляемый Р. Брасье). Проблема отказа от корреляционизма – концепции, устанавливающей соответствие между бытием и мышлением, утверждающей проблему доступа научного познания к миру, и атаку на принцип достаточного основания, предпринимает канадский философ Квентин Мейясу с целью выйти за пределы корреляционизма и найти возможность для философии говорить о «в-себе». Это становится возможно путем замены основания на не-основание, что приводит к созданию своеобразной онтологии, построенной на фактичности – знании о возможности вещи не быть. В этом смысле спекулятивный реализм становится новой, более радикальной версией реализма, обращающегося к метафизике для поиска основания или Абсолюта.

Другое направление связано с построением новой онтологии, в которой у сознания более не будет приоритета над объектом (важны отношения не только сознание-объект, но и объект-объект). Подобные онтологии, устанавливающие равенство объектов, называются объектно-ориентированными и в качестве примера мы рассмотрим онтологию американского философа Г Хармана, строящейся на tool-being (понятии, предлагаемому на смену Dasein М. Хайдеггера). Очевидно, что объектно-ориентированная онтология сближается с латуровским пониманием сетей и определенным образом противостоит их социологическому истолкованию.

Принцип неоснования и перспективы отказа от корреляционизма

Одним из элементов многочисленных дискуссий о релятивизме является атака на закон достаточного основания, утверждающий, что высказывание является обоснованным, когда существует причина, из которой следует данное высказывание. Любое решение, которое ставит под сомнение истинность данной причины или ее необходимость приводит нас к разговору о релятивизме – возможности иной модели доказательства, иной модели познания.

Не вызывает вопросов, что анализ принципа фаллибилизма Поппера/фаллибилизма, утверждающий принципиальную невозможность финального знания, анализ Р. несостоятельности проекта «мира как отражения сознания» Рорти, идеи П. Фейерабенда о плюрализме и пр. весьма эффективно показывают возможности релятивизма в познании. Однако все названные

модели в той или иной степени сохраняют закон достаточного основания. Законы механики, будучи опровергнутыми при движении при скорости близкой к скорости света, тем не менее вполне корректны при иных скоростях – теория, фальсифицирующая данную, выдвигает тезис, становящийся достаточным основанием для законов механики в ситуации, в которой фальсифицирующий тезис является ложным. В ситуации с Полем Фейерабендом приведем его описание дебатов по Варшавскому гетто – участники национального толка или принадлежавшие левым уделяли большое значение данному событию, рассматривая его как подвиг, в то время как Марек Эдельман, являющийся противником обеих идеологий, рассматривал это событие в качестве незначительного в рамках истории Второй мировой войны. Действует достаточное основание: в одном случае это непосредственно левая или правая идея, где Варшавское гетто становится одним из этапов ее развития; во втором – это ход Второй мировой войны, столкновение армий и экономик, в котором проблема существования Варшавского гетто оказывается незначительной¹.

Поставим следующую проблему: возможно ли отказаться от закона достаточного основания, заменить его на свою противоположность, которую мы в названии данной работы обозначили в качестве принципа неоснования (следуя здесь за К.Мейясу), и является ли такое решение одним из вариантов релятивизма, к которому современная философия все более склоняется.

Начнем наш анализ с известного тезиса Мейясу о корреляционизме и аргументе об архиископаемом. Главный вопрос дискуссии, в которую вступает Мейясу в книге «После конечности» – возможен ли доступ науки непосредственно к тем объектам, которые она изучает или они уже опосредованы нашим мышлением о них. В широком смысле корреляция понимается как идея, «согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности»². Подобная идея не является новой: о таком высказывался Р.Рорти в «Философии и зеркале природы», находя решение в критической философии. Анализируя традицию новоевропейской философии Мейясу обозначает две фигуры корреляции: корреляционную двухходовку и корреляционный круг. Последний – это принципиальная невозможность помыслить объект в себе: любое мышление включает связь отношение субъекта к объекту, а любой субъект уже опосредован объектом. Двухходовка раскрывается во «Введении в феноменологию» Ф. Хунемана и Е. Кулих (их цитата приводится Мейясу в

---

¹ Фейерабенд П. Прощай разум. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ: Астрель, 2010. 477с. С.142.

² Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с. С.11.

качестве примера двухходовки): «Отношение в некотором роде первично: у мира есть смысл, потому что он представляется мне как мир, и во мне есть смысл, потому что я отношусь к миру, я – тот, для которого мир раскрывается»¹. Связь мышления об объекте и объекта работает нормально до тех пор, пока не возникает ситуация научного высказывания о данности мира, который полагается до возникновения мышления. Наука может делать предположения о том, что было до возникновения мышления на основании своих практик. Это набор материальных носителей (архископаемое), на базе которых производятся опыты (например уран, анализ полураспада которого позволяет установить хронологию). Эти материальные носители являются непосредственно данными мышлению и их состояние при помощи применения математических абстракций указывает на такие объекты как формирование Земли – тоже идеальная реальность, как и математическая модель. Следовательно, имеет место быть предположение об истинности модели реальности, которая возникает при помощи анализа архископаемого и реконструкции исследуемого доисторического объекта. Архископаемое являет в настоящем бытие, которое предшествует явленности² – очевидно становится высказыванием проблематическим. Очевидно, все эти рассуждения приводят к вопросу о том, как объяснить возможности наук естественного цикла помыслить доисторическое, что приводит к необходимости помыслить то, куда ведет архископаемое, то есть «как мышление может получить доступ к нескоррелированному, к миру, способному существовать, не будучи данным»³.

Это задача попытаться помыслить Абсолют – нечто, выходящее за пределы какого-либо мышления, то есть нескоррелированное и способное существовать безотносительно к существованию субъекта, устанавливающего корреляцию. Вопрос об Абсолюте – это вопрос о том самом финальном основании, у которого, в свою очередь, нет никакого основания. Абсолют необходим для принципа достаточного основания, вводимого Р. Декартом и Г. Лейбницем, чтобы избежать бесконечного регресса – для нечто существующего необходимо основание того, почему оно существует, в свою очередь для названного основания необходимо основание основания и т.д. до того, основания, которое способно быть основанием чего-либо, включая себя. Этот аргумент представляет собой тоже корреляцию – имеет место быть для отношения «объект-мышление об объекте», необходимость этой необходимости. Декарт прекрасно это демонстрирует вопросом «кто является источником моего сомнения», которое

---

¹ Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с. С. 12. Там же с. 12

² Там же с. 26.

³ Там же с.34.

полагает корреляцию бытие-мышление. Абсолют проявляет себя в качестве абсолютной необходимости для меня, что тоже приводит к парадоксу – как абсолютная необходимость для меня может полагаться в качестве абсолютной, если она «для меня»? Предпринимаемые классической европейской философией попытки каким-то способом спасти Абсолют, оказываются безуспешными по отношению к обозначенному тезису – кантовское решение закрывает Абсолют от возможности доступа, оставляя только корреляцию, решение Г. Гегеля помещает Абсолют как референт самого мышления, бесконечно мыслящего себя и в итоге приходящего к тождеству с собой.

Мейясу выделяет два возможных тезиса об Абсолюте. Первый обозначается как сильный корреляционизм – «сущностная неразделимость содержания мышления и акта мышления», и последовательное применение данного подхода делает невозможным существование каких-либо идеалистических и материалистических абсолютов, так как по определению абсолют это то, к чему у мышления нет доступа. Это решение влечет за собой другое – отказ от какого-либо абсолюта делает абсолютом саму корреляцию «мышление-акт мышления». Именно в рамках второго решения возможны онтологии типа шеллинго-гегелевской, где в бытии воплощается какое-либо понятие рассудка (Воли, Духа). Оба решения связаны с фактичностью форм корреляции: формы восприятия, логические законы, физические законы – их необходимость дана, но не абсолютна. «В себе» немыслимо, дана лишь наличность самого коррелята – форм мышления, «первичного факта, который может создать объект с помощью описания»¹. Мейясу вводит термин контингентность для обозначения ситуации, при которой факт бытия какой-либо вещи в мире свидетельствует также о ее возможности быть какой-либо иной. Таким образом, контингентность противопоставляется необходимости: необходимость говорит о том, что факты, которые даны, есть и есть каковы они даны необходимо, однако достаточное основание, по которому устанавливается их неизменяемость, невозможно помыслить (как невозможно помыслить то, что выходит за границы корреляции мышления-существования), в то время как контингентность рассматривает возможность фактов быть совсем иными в силу неспособности установить невозможность совсем иного. Таким образом, «фактичность обрамляет знание и мир отсутствием основания и обратная сторона этого отсутствия основания в том, что ничто не может быть названо абсолютно невозможным, даже немыслимое»². Фактичность утверждает нам доступ к логическим формам, в том числе и к принципу непротиворечивости, однако высказывание

---

¹ Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с. С. 51. Там же с. 51

² Там же сс. 54-55

непротиворечиво не потому что противоречие абсолютно невозможно – ведь у нас нет доступа к абсолюту, а потому что нельзя на основании логических форм, выводимых рассудком, помыслить противоречивое высказывание, если эти логические формы сами устанавливают его невозможность.

Контингентность, определяемая как «знание о возможности быть-иной какой-либо вещи в этом мире»¹, применяемая к немыслимому, приводит к следующему: невозможность немыслимого сама невозможна – принцип контингентности заставляет нас рассматривать возможность быть иным невозможности, то есть возможностью быть немыслимым. Это легитимирует любой иррациональный дискурс – возникает соблазн «возможно все что угодно», если только основанием этого «всего что угодно» становится не рациональный дискурс, придерживающийся корреляции, а любой дискурс, отказывающийся от обоснования первого принципа. Корреляционизм устанавливает мышление в качестве своего предела и любой дискурс, отказывающийся от него, тогда оказывается оправданным. В первую очередь, это вера. Примером такого точного положения границ является конечно же параграфы 6.41-6.42 «Логико-Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, которые касаются невозможности построения высказываний о религии и этике, так как они выходят за границы логически-совершенного языка. Определенная констатация фактичности: «В мире все есть, как оно есть, и все происходит, так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности. Если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего и так существующего. Ибо все происходящее и так существующее – случайно. То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным. Оно должно находиться вне мира»². Сама способность высказаться о ценности, или о мире, ускользает из языка фактов, подходящего для описания происходящего и существующего. Ценности, мир даны в своей фактичности – они есть – но логическое высказывание о них оказывается невозможным («смысл мира должен лежать вне мира»). Мышление, устанавливающее способ того как мир есть, неспособно описать мир как он есть. Это, в свою очередь, является примером режима фактуальности, который обосновывает Мейясу. Однако доступность этического, мистического и пр. оказывается возможной при помощи иного языка у Витгенштейна. В случае с контингентностью эта доступность возникает в связи с иррациональным, и самом ярком проявлении

---

¹ Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с. С. 53. Там же с.53

² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с. С.212.

этого иррационального – вере в любой возможный Абсолют, при условии отсутствия в этой вере ее любого рационального доказательства. Однако подобное решение является скорее утверждением о принципиальной возможности вещи быть чем угодно (так как нет возможности найти абсолютное основание), а не признанием фактичности в качестве замены принципа основания. При этом не осуществлен и выход за пределы корреляции.

Следовательно, задачей становится положительное обоснование принципа неоснования, выделение его из корреляционного круга и постулирование в качестве абсолюта. Отсутствие какого-либо основания у вещи должно стать не только пределом мышления о вещи, а окончательным свойством сущего. Очевидно, что в таком случае в качестве абсолюта должна быть поставлена контингентность – противоположность необходимости. При этом, если контингентность обозначается как непосредственное свойство вещи в себе, то очевидно, что происходит выход из корреляции. Этот выход обусловлен тем, что корреляция не способна сказать о вещи в себе, поэтому вещь может быть любой иной. Но что означает это быть любой иной? Здесь имплицитно заложена возможность радикального состояния – если присутствует некоторая вещь, то ее самая радикальная возможность быть иной означает ее несуществование. То есть быть иной по отношению к той вещи, которая дана сейчас в рамках корреляции мышление-существование, основывается на допущении возможности не-быть вещи, как ее радикально иного. Эта ситуация прекрасно иллюстрируется Мейясу на примере дискуссии между догматиком-теистом, догматиком-атеистом, субъективным идеалистом и агностиком по поводу того, что случится после смерти. Очевидно, что агностик легко опровергает догматиков незнанием того, что случится после смерти – оба оппонента предлагают в качестве абсолюта свою веру. Когда вмешивается субъективный идеалист, аргументация агностика несколько трансформируется, поскольку объективный идеалист будет утверждать, что существование Я и Я совпадают, Я может помыслить себя только как существующего. Тогда он утверждает следующее: у меня есть возможность мыслить себя как совсем другого, то есть возможность помыслить себя как несуществующего в смерти. Это решение реализуется через утверждение фактуальности – принципиальной возможности не-быть (мыслить свою способность не быть и оставаться тем же каким я есть). Притом фактуальность объединяет атаку на все 3 решения: теистское, атеистское и идеалистское тезисом «я не могу мыслить немислимое, но я могу мыслить возможность немислимого». Для окончательного завершения дискуссии необходимо ввести позицию спекулятивного реалиста, который обозначит тот абсолют, который в своей критике упускает агностик – все 3 абсолюта опровергаются имплицитной возможностью в-себе быть совсем иным без

какого-либо основания, быть контингентным¹. Это означает, что то, что ранее считалось незнанием (в себе может быть чем угодно), теперь принимается как знание. Таким образом не-основание более не приводит к принятию чего-то иррационального, напротив, оно, будучи знанием, вполне рационально, и устанавливает ограничения, которым дискурс должен соответствовать.

Онтология, которая строится на данном принципе, включает требование о контингентности – сущее в любой момент имеет возможность стать иным. Это влечет за собой 2 онтологических суждения: 1. необходима только не-необходимость (или необходимое сущее невозможно) и 2. не может существовать ничего, что не может не существовать (или контингентность сущего необходима).

Первое суждение доказывается при помощи противоречивого сущего (такое сущее, которое когда оно есть его нет, и когда его нет оно есть). Противоречивое сущее не способно стать иным, ибо оно и так содержит в своей природе это иное. Следовательно, противоречивое сущее необходимо, что противоречит требованию о контингентности сущего – сущее может быть чем угодно. Таким образом, устанавливается принцип непротиворечия, поскольку противоречивое сущее необходимо, то есть сущее должно быть необходимо контингентно.

Обращаясь ко второму суждению (контингентность сущего необходима) Мейясу выделяет 2 интерпретации – слабую и сильную. Слабая заключается в формулировке – «если нечто и существует, то оно необходимо должно быть контингентным»². Если и вещи есть, то они необходимо должны быть фактами, иметь возможность не быть, то есть быть контингентными. Сильная интерпретация: «говорить, что контингентность необходима, значит говорить и то, что все вещи должны быть контингентными, и то, что контингентные вещи должны быть». Ее доказательство в чем-то сродни приводимому нами выше рассуждению Витгенштейна. Для начала надо признать истинность слабой интерпретации и ее единственную допустимость. Если существующее должно быть контингентным, то наличие фактических вещей является фактом (вещи контингентны). Если бы не было ни одной вещи, то не было никакой фактичности (для того, чтобы была фактичность, должна существовать хотя бы одна вещь, возможность несуществования которой мы заключаем). Из этого следует, что фактичность – это тоже факт. Возникает фактичность фактичности. Однако здесь противоречие: сомнение в необходимости чего-либо приводит к абсолютной фактичности некоторой вещи (Мейясу приводит в качестве примера мышление о себе как смертном – оно рассматривает смерть в качестве своей

---

¹ Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с. С.72-81.

² Там же с.105.

абсолютной возможности, но для того, чтобы не-быть, необходимо хотя бы одно существование) и получается круг: фактичность вещей приводит к фактичности самой фактичности, которая в тоже время мыслится как абсолют, по отношению к фактичности вещей. Таким образом, фактичность не может мыслиться как факт среди вещей; не является фактом, что нечто является фактическим, это единственное, что в данной системе является необходимостью, потому что в-себе вещи – это ее возможность не быть, то есть суждение о том, что есть – это суждение о том, что нечто есть фактическое. Для контингентности важно равное наличие обеих сфер: и существующего, которое может не существовать, и несуществующего, которое может существовать, в этом и заключается несуществование как единственное знание о том, что есть.

Рассмотренная выше теория Мейясу обозначает 2 этапа получения принципа неоснования: первый, его негативный этап – когда утверждается, что из-за отсутствия доступа к «вещи в себе» возможно помыслить Совсем Иное вещи как существующее, если и только если отказаться от тезиса, что это будет являться знанием. Второй этап обозначает, что сама эта операция – предположение о равной возможности для вещи быть совсем иной – свидетельствует о том, что «возможность быть иной» и есть то самое искомое знание о вещи, которое и способно задать режим для онтологии. Это положительное решение. Для положительного решения Мейясу даже меняет название выводимого им принципа неоснования на принцип фактуальности, стремясь элиминировать негативные коннотации.

Это приводит нас к ответу на поставленные в начале нашей статьи вопросы: является ли модель, предлагаемая Мейясу, очередной релятивистской моделью, полностью снимающей необходимость достаточного основания и утверждающей, что все возможно, или наоборот стремится защитить чистоту декартово-лейбницава принципа основания. Очевидно, что не-основание в первом случае – негативном – это, в определенной форме, радикализация релятивизма – невозможность доступа научного знания к «в себе» открывает широкие просторы для религиозной интерпретации этого «в себе». То не-основание, посредством которого агностик критикует субъективного идеалиста, догматика-теиста и догматика-атеиста, содержит лишь иррационализм – нечто имеет возможность быть чем угодно, но у нас нет возможности получить знание об этом. Однако тезис о неосновании, будучи очищенным от корреляции бытие-мышление, получивший доступ к в-себе как принципиальную возможность в-себе быть чем угодно, становится в определенной степени в оппозицию к релятивизму. На сформулированном в качестве абсолюта неосновании, необходимости контингентности вещей формулируются сходные с рационалистическими тезисы о бытии – принцип непротиворечия и принцип

контингентности (онтологическое суждение 1 и 2 выше). Исходя из этих принципов открывается возможность построения системы, в основании которой будут свойства гипер-Хаоса, единственной необходимостью в котором будет являться его контингентность. Данный гипер-Хаос – это характеристика реальности. Как отмечает Й. Реев в статье, посвященной теории Мейясу, «в такой реальности нет ничего отрицательного. Восприятие ее как некоторого рода «нехватки» свидетельствует лишь о нехватке в самом воспринимающем, ошибочно отождествляющем «реальность» и наличие, то есть реальность как таковую и реальность того или иного сущего, необходимость существования которого тем или иным образом предписывается определениями мышления»¹. Формулируемый таким образом реализм стремится не обозначить множественность интерпретаций, методов и подходов к исследованию бытия, напротив, он стремится открыть бытие на основании единственного найденного свойства в-себе – быть фактическим, быть иным, и нашего знания об этой фактичности, вытекающего из принятия первого принципа – принципа неоснования или фактуальности. Это сообщает и Мейясу в заключении комментирующей статьи к «После конечности» «Время без становления»: «фактуальное рассуждение оказывается рационализмом, хотя и парадоксальным: это рационализм, объясняющий, почему вещи должны существовать без основания для этого, и как именно они могут существовать безосновно»². Обращаясь к термину рационализм, Мейясу пытается показать свое решение как решение антирелятивистское: не-основание порождает определенные фигуры размышления о бытии, к которому мышление получает доступ, пусть это бытие и представляется как возможное стать чем угодно, но только в соответствии с принципом непротиворечия и контингентности. Проект Мейясу можно рассматривать как попытку спасти основание, освободив его самого от закона достаточного основания, то есть, вырывая из круга поиска необходимого основания к данному финальному основанию, так как не-основание не влечет за собой необходимость поиска какого-либо основания, оно уже не-основание.

Подводя итог, проект К. Мейясу представляет интерес в нескольких сферах. Во-первых, он являет собой преодоление философии доступа (поскольку не-основание выходит за пределы корреляционного круга мышление-бытие), что, в свою очередь, приводит к критике агностицизма, причем из самого ядра агностицизма – неопределенности нашего знания о вещи в связи с отсутствием доступа к в-себе. Во-вторых, производится отказ от бесконечного регресса

---

¹ Реев Й. Меч херувима // Логос. – №2(92). 2013. С.96.

² Мейясу К. Время без становления. Пер. с англ. А.Писарев.
http://www.ncca.ru/app/mediatech/file/Quentin_Meillassoux.pdf

самого основания, которое необходимо требует основания для себя, путем замены на не-основание. В-третьих, и это следует из второго, утверждается знание об Абсолюте, хоть и в спекулятивной форме – наличие доступа к знанию о возможности нечто не быть.

Является несомненным, что спекулятивный реализм в версии К. Мейясу имеет и ряд положений, требующих серьезной доработки. К ним можно отнести, например, установление связи между гипер-хаосом и математикой, которая должна что-то говорить о гипер-Хаосе (так как математика – это то, что устанавливает связь архиископаемого и доисторического). Мейясу обращается к философии теории множеств А. Бадью, ища опоры для построения системы в пустом множестве, однако насколько обоснованным является эквиваленция между гипер-Хаосом, способным быть чем угодно, и теорией множеств, и лежащим не-основанием и пустым множеством соответственно. Или отказ от метафизики, опирающейся на принцип достаточного основания, приводит к построению такой метафизики, в которой основание заменено на свою противоположность, которая, тем не менее, является необходимым основанием для данной метафизики.

Онтология объектов Хармана

Когда вещь стала проблемой? Вероятно, еще с критики Перрона, утверждавшего, что у нас нет никакого доступа к сущему (чувства нас обманывают, а логика сама при помощи своих законов себя опровергает), но отчетливо и явно это выражено в новоевропейской философии, причем с самого ее начала – с Декарта, утверждавшего необходимость материального (протяженного) существования мыслящего сущего, которая, тем не менее, открывается сознанию при помощи применения понятия протяженности (понятия, то есть, соответственно, внешнего по отношению к материальному). Отсюда онтология Декарта становится онтологией вещей как они помыслены, а сама способность мышления, основывающаяся на сомнении, оказывается даром божественной благодати. Не вдаваясь в дальнейшие картезианские рассуждения, обозначим, что данное разделение субстанции на мыслящую и протяженную имело далеко идущие последствия во всей новоевропейской философии. Вещь оказалась разделенной между тем, как она есть, и тем, как она есть для познающего (хотя данная формулировка, конечно же уже кантианская).

Была еще одна альтернатива – попытаться поставить в центр не способность рассуждать ясно и отчетливо, а способность воспринимать. Эту оккамобэконнианскую разработку *potitia intuitiva* радикализирует Д. Юм, заявляя, что то, что есть, это то, что я ощущаю, а следовательно, есть только ощущения. При этом равно возможными оказываются как ощущения, которые производятся из-за

контакта моих органов чувств с реальным объектом, так и ощущения, которые производят мои органы чувств без всяких объектов, но в соответствии с определенными ожиданиями и привычками. Возникает своеобразная новая версия парадокса Менона, сформулированного Сократом в одноименном платоновском диалоге и сводимого Меноном к тому, что искать знание бессмысленно (что знаю, то не ищу, потому что уже знаю, чего не знаю – то не ищу, потому что я этого еще не знаю). Радикализация опыта, сводимого к единичным менатальным партикуляриям, как единственного источника истинного (неконвенционального) знания о мире приводит к возможности снятия мира как необходимого основания для моих сенсорных стимуляций.

Безусловно, это приводит нас к модели И. Канта, в которой объект возвращается как необходимый, но оказывается неопределен, в то время как данными сознанию становятся его разнообразные качества, соответствующим образом оформляемые: известная формула о том, что у сознания нет доступа к ноумену, только к феномену. Вопрос о получении доступа к миру для себя затем становится одним из важнейших вопросов философии, вопрос, образно оформленный непостижимым для сознания объектом *Ding auf Sich*.

Одну из попыток раскрытия мира для себя предпринимают Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. Известная аналитика интенциональности позволяет из чувственного объекта – объекта, строящегося в интенциональном акте – прийти к его реальным свойствам (эйдосу). Позиция Гуссерля здесь совершенно прозрачна – сознание работает с чувственными объектами, имеющими чувственные качества (акциденции и сущностные свойства). При этом, удаляя поверхностные акцидентальные свойства, мы можем прийти к сущностным свойствам чувственного объекта, без которых он уже не может быть тем, что он есть. Гуссерль отстаивает мысль, что очищая объекты (собаку, медную проволоку) от их приходящих качеств мы получаем не объектность вообще (если бы получалось так, то мы могли на полном основании провести эквиваленцию между реальным свойством собаки и медной проволоки – их пустую объектность, возможность быть объектом), а всякий раз для каждого объекта его сущностные качества, чистую индивидуальность, которую Гуссерль называет эйдосом. Таким образом, демонстрируется, что для чувственного объекта существуют реальные качества (необходимо), которые однако остаются потаенными (доступными только для постижения рассудком).

Другой подход демонстрируется Хайдеггером. Всего существует 2 модели онтологии объектов, развиваемых философом: ранняя, представленная в «Бытии и времени», и модель четверицы 1950 гг, представленная в работе «Вещь».

Известное рассуждение Хайдеггера из «Бытия и времени» о принципиальной потаенности вещи сознанию являет собой первую четверицу.

Сознание сталкивается не с объектом, а с полезной функцией данного объекта – то, что называется подручностью. Попытка схватывания бытия вещи производится в негативной форме – вещь раскрывается как неподручная в своей наличности – тогда, когда исполняемая ей функция не может более быть осуществлена (сломанность). В таком случае вещь оказывается выведенной из подручности присутствию, обнаженной в своей наличности, в своем вот. Однако наличность вещи – вовсе не то, что она есть, это ее негативное, скорее то, что она более не есть. Так кости – это дефектный модус человека, его наличность, однако подлинность бытия данного дефектного модуса вовсе не влечет за собой какого-либо знания о человеке, более того, именно в костях как раз человек и не содержится, кости – это «не есть человек». Данное рассуждение раскрывает второй полюс: сокрытое – явленное. Вещь оказывается явлена в своей подручности, в той своей части, которая может быть использована (tool-being). И при том, она пребывает сокрытой в своей глубине, в своей *essencia*. И точно также в наличности вещи (сломанный телефон) оказывается явлен дефектный модус вещи (негативное ее функции, телефон, который не может звонить), но ее положительное бытие оказывается сокрыто за этой негативностью (вещь более не есть то, что она есть, она снята, сломана, другая)¹. Таким образом, Хайдеггер в своей четверице рисует две оси напряжений: сокрытое-явленное, наличное-подручное, по которым производится исследование вещи, при этом, всякий раз при выявлении чего-то о вещи, что-то о ней оказывается сокрыто. Так Хайдеггер демонстрирует принципиальную невозможность присутствия раскрыть подлинное бытие объекта непосредственно, требуя, при попытке сказать истину о вещи, учитывать все 4 полюса, в котором она одновременно пребывает как подручная-наличная-явленная-сокрытая. В какой-то мере это даже развитие мысли Парменида (в тоже время нещадно критикуемого Хайдеггером за закрытие вопроса о бытии в пользу проблемы того, что познает это бытие), который применительно к объектам формулирует два типа высказываний: высказывание истинное (сокрытое наличное), доступное мудрецам, и высказывание обыденное, доступное кому угодно и согласующееся с нашим восприятием (явленное подручное). Безусловно, подобное размещение мысли Парменида на осях первой четверицы Хайдеггера – это исключительно авторская позиция, на которую оказала влияние интерпретация четверицы Г.Хармана («Четвероякий объект»), к онтологии которого мы еще обратимся.

Второй вариант четверицы Хайдеггер приводит в своем докладе «Вещь», облекая ее гелдерлинскими поэтическими формулировками: земля-небо – божества-смертные. Пытаясь устранить вечно ускользающую неявленность

---

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2002. 452 с. С. 72–76, С. 83–88.

вещи, характерную для первой своей схемы, он задается целью рассмотреть вещь как вещь: «В чем коренится эта неявленность вещи как вещи? <...> Что же тогда такое вещь как вещь, если ее существо пока еще не смогло явиться?»¹. Рассуждение о четверице являет собой способ представить вещь, которая в различных формах дана сознанию, но при этом эти формы заслоняют собой вещь (чаша как пустое пространство, наполненное воздухом, в котором наливаемое вино вытесняет воздух, однако во всем этом нет сущности чаши). Интерпретация данного рассуждения Хайдеггера представляется важной для задачи составления онтологии вещи (на примере рассуждение о полной чаше). Смысл вещи раскрывается как «односложность четырех» – соединением всех четырех полей, которые совместно и позволяет сказать о подношении полной чаши вина². Новая четверица раскрывается как отношения между явленным-сокрытым, единым-многим. Так земля, даруя возможность вещи быть, посредством своих тайных процессов, происходящих в глубине – это сокрытое единое, в то время как небеса – это явленное многое, они выявляют то, что сокрыто в глубине земли, позволяют ему появиться: «В подносимой воде присутствует источник. В источнике присутствует скала, в ней — темная дрёма земли, принимающей в себя дождь и росу неба. В воде источника присутствует бракосочетание неба и земли»³. Вторая пара отношений – это множество тайных посланий божеств («Содержимое чаши — напиток, жертвуемый бессмертным богам. Подношение чаши с напитком богам — подношение в собственном смысле. В подношении посвящаемого напитка льющая чаша являет себя как подношение дара. Посвященный богам напиток есть то, что, собственно, именуется словом “возлияние”: жертвоприношение») и единственность явленности смертности («подношение чаши есть питье для смертных»⁴). Так Хайдеггер объединяет два онтологических полюса: традиционный натурфилософский «единое-многое» и выявленный в ходе «Бытия и времени», в ходе анализа подручности-наличности полюс «явленное-сокрытое». Тогда сказать что-то о вещи означает сказать что-то о ее глубине, о ее тайне, потаенности, множестве тайных посланий, которыми она себя может связать с миром, и о ее физических причинах проявления и практической цели использования. Мы видим, как напряжение первой четверицы (подручное-наличное) переходит во вторую, при этом целью здесь Хайдеггер видит выявить истину о вещи, раскрываемую в обозначенном единстве четырех.

---

¹ Хайдеггер М. Вещь. // Хайдеггер М. Время и бытие. Пер. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. 447 с. С. 319.

² Там же с. 321

³ Там же с. 320

⁴ Там же с. 320

Представленный выше анализ четверицы Хайдеггера, утверждающий, что раскрытие вещи это есть раскрытие всех видов отношений с ней, позволяет обратиться к последующей разработке данной мысли в онтологии Грэма Хармана, который, со своей стороны, дорабатывает модель Хайдеггера и выбрасывает ее некоторую поэтичность.

Онтология Хармана добавляет новые типы связей к данной схеме и акцентирует внимание на произвольном характере отношений – здесь нет привилегированного типа отношений: отношения камень-почва имеют такое же право на рассмотрение как и сознание и ощущение. Онтография (а именно так предлагает назвать дисциплину, занимающуюся созданием разнообразных формул отношений вещей, Харман) представляет четыре типа напряжений (доработанная схема четверицы Хайдеггера), три типа излучений и три типа соединения. Четыре полюса напряжений (или доработанной четверицы) следующие: пространство, время, эйдос, сущность. Пространство – сокрытый реальный объект и явленное чувственное качество, время – чувственный объект и чувственное качество, эйдос – чувственный объект и реальное качество (Гуссерль), сущность – реальный объект, реальное качество¹. При этом сущность по-прежнему оказывается изъята из любого доступа, так как о реальном объекте возможно говорить только опосредованно, так как это отношение не является частью опыта (что объект, что его качества – реальные – оказываются всегда изъяты из опыта). Что еще более интересно, реальный объект – всегда единица, некоторое единство, целостность, в то время как его качеств несколько. Харман в качестве примера приводит Юпитер, окруженный множеством спутников. При этом предлагается, что реальный объект не имеет собственных, отделимых от него сущностных свойств (в противном случае он не был бы целостностью, единичностью, монадой), следовательно, реальные качества присваиваются, прикрепляются ему посредством некоторого медиатора (Харман называет этот процесс аллюр)². В качестве примера такого посредничества можно привести аллюр между пространством RO-SQ (реальный объект – чувственное качество), где посредством сенсорной стимуляции задается нечто пространственное как необходимо реальное для существования данного чувственного качества, прикрепленного к реальному объекту, и эйдоса, где между объектом-в-сознании (чувственным объектом) и реальным качеством, проясняется реальное качество, что, в свою очередь, позволяет установить аллюр между реальным объектом и его качеством, поскольку идея четверицы, неотделимости всех отношений для схватывания сущности вещи, Харман не только сохраняет от Хайдеггера, но и

---

¹ Харман Г. Четвероякий объект: онтология вещей после Хайдеггера / пер. англ. А.Морозов и О.Мышкин. – ПермьПермь: Гиле Пресс, 2015. 152с. С. 100— 103.

² Там же с.106.

развивает (не ограничиваясь лишь присвоением новых наименований и установлением отсылок к авторам, делавшим акцент на том или ином элементе четверицы, в случае сущности речь идет конечно о Лейбнице).

Затем четверица расширяется, к ней добавляется еще 6 связей (реальный объект-реальный объект, чувственный объект-чувственный объект, реальное качество-реальное качество, чувственное качество-чувственное качество, реальный объект-чувственный объект, реальное качество-чувственное качество), и здесь возникает соблазн утверждать, что Харман говорит о принципиальной возможности установления связей чего угодно с чем угодно. Только важно обозначить, что в некоторых случаях данная связь является опосредованной наличием какой-либо иной связи, предшествующей данной (так устанавливается, например, связь между реальным объектом и реальным качеством в вышеприведенном примере). Однако установление связи между любыми объектами, та точка зрения, что отношения горы и камня столь же значимы как отношения между Д.И. Менделеевым и химическими элементами, возможно при условии понимания того, какие еще отношения входят в данные отношения – Харман в общем-то сохраняет идею Хайдеггера о «единстве четырех», только в данном случае речь идет о единстве десяти, где ни одно из отношений не становится более привилегированным, чем остальные, более того, его прочтение (регистрация) оказывается возможным за счет существования остальных девяти.

Очевидно, что здесь встает вопрос об определении того, что можно называть объектом, вступающим в отношения, и что нельзя: можно ли именовать каждый атом, составляющий структуру горы независимым объектом или нет. Как определить объект, следуя идее о том, что «всякое отношение непосредственно производит новый объект»¹? Решение Хармана – идея об относительной устойчивости этого образования, его автономности по отношению как к составным частям, так и к тем структурам, в которые данный объект входит, или, используя авторскую терминологию, «объект можно определить как всё что угодно, обладающее единой реальностью, автономной относительно как ее более широкого контекста, так и ее составных частей»². Остается только определить, что из себя представляет данная «единая реальность». Несколькими предложениями выше мы обозначили ее через прилагательные «относительная устойчивость» и «автономность», ниже необходимо их более детально раскрыть.

---

¹ Харман Г. Четвероякий объект: онтология вещей после Хайдеггера / пер. англ. А.Морозов и О.Мышкин. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 152с. С. 116. Там же с. 116

² Там же с. 116.

В нашем понимании относительная устойчивость понимается как продолжительность существования данного объекта – он может быть в качестве целостности, он может обозначить границы себя. Здесь приведем пример: дерево и восприятие дерева. Очевидно, что воспринятое сознанием дерево является собой некоторый объект – есть продолжительное существование, четкая очерченность границ (где начинается восприятие дерева, а где это уже не-дерево) и, соответственно, автономия по отношению к восприятию леса и восприятию ствола-корней-листвы.

В завершении разговора об объектно-ориентированной онтологии, хотелось бы отметить связь с акторно-сетевой теорией Б. Латура. С точки зрения объектно-ориентированной онтологии, этот подход, кратко выражаемый формулой «objects are socially constructed»¹, говорит на самом деле больше, чем может сказать. Если в размышлениях о четверице проблема связи объект-сознание (или привилегированного доступа) дана изначально, а сама предлагаемая и Хайдеггером и Харманом схема позволяет найти способ рассуждения с учетом данной несводимости объекта и ощущения объекта, то Б.Латур, кажется, находит универсальное решение этой проблемы: стремясь легитимировать любые связи между объектами (поведение крыс в лаборатории, степень невыспанности одного из лаборантов), он в то же время достаточным основанием этой легитимации видит социальное как то, что позволяет сводить эти объекты между собой. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что акторно-сетевая теория говорит лишь о социальных объектах, а не о любых объектах, и, если в поле ее рассмотрения оказывается необычный объект (камень, лабораторная крыса и пр), то его значение полностью определено его социальностью: чувственное качество заменяется на «социальное качество» – свойство объекта быть в социуме и производить/не производить социальные отношения.

Приведем несколько примеров применения объектно-ориентированной онтологии на практике. Интерес представляет например книга Л. Буэла «Будущее энвайронмент критицизма» (рассматривает слияние этики, искусства, политики и окружающей среды) и проект Prismatic ecology – сборника статей, написанных ведущими авторами в области экокритицизма (под ред Джеффри Коэна)², которые объединены вокруг идеи цветов радуги и различных образов окружающей среды, возникающих с доминированием того или иного цвета

---

¹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. /пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

² Cohen J.J. Ecology's Rainbow // Prismatic Ecology: Ecotheory beyond Green. Ed. J.J.Cohen. Minneapolis, London: Minnesota University Press, 2013.

спектра. Основной атаке, само собой, подвергается устоявшийся образ окружающей среды как связанный с «зеленым».

Способность человека к манипулированию объектами и изменению окружающей среды не вызывает сомнения. Ярким примером такой способности является создание принципиально новых объектов – в виде художественного творчества. В качестве примера можно рассмотреть процесс создания картины (Коэн приводит картину Джеймса ле Палмера «Цвет»). На картине изображен художник, приступающий к написанию картины. Перед ним выставлены краски, представленные в соответствии с традиционным средневековым символическим порядком, и белое полотно, символизирующее начало Творения. Хайдеггер забрал у животных, камней, растений данную способность, оставив ее только за Dasein, ответственного за zuhanden – подручный модус вещи. Может ли река, в свою очередь, изменять окружающую среду, то есть делать что-либо подручным для себя? Может ли река стать своего рода тоже «художником»?

Рассмотрим пример Миссисиппи – крупнейшую водную артерию Северной Америки. Существует естественный процесс – авульсия (блуждание дельты), который заключается в том, что в нижней Миссисиппи накапливаются наносы, которые раз в 1000 лет приводят к смене дельты – вода поднимается и находит более короткие пути в залив. При этом старое русло зарастает и превращается в байю. За последние 5000 лет берег Луизианы продвинулся в сторону залива на 25 км. Мы видим, что река влияет на объекты, делает подручными себе глину и все материалы, попадающиеся ей в процессе прокладывания своего русла. Конечно, это процесс значительно различающийся и по времени и по сути с написанием картины, но тем не менее река в рамках отношений с различными природными и геологическими объектами приводит к значительному изменению окружающей среды (расширение дельты, затопление определенных регионов, заболочивание, изменение экосистемы и пр.). При этом данный процесс может оказаться и разрушительным – примером чему может служить борьба Нового Орлеана с рекой, продолжающаяся более 200 лет. Новый Орлеан возник как экономически важный порт, соединяющий крупнейшую реку с морем, но за годы существования авульсия подняла уровень воды и город оказался ниже уровня моря. Система защитных дамб, дренажей и перемычек, созданных вокруг Нового Орлеана – защищает город от затопления, однако ураган «Катрина 29 августа 2005 года разрушил часть дамб, приведя к крупнейшему и катастрофическому наводнению (в США был объявлен режим чрезвычайной ситуации).

В рассмотренных выше примерах нас интересовала среда (или контекст), в которой выделялся или с которой взаимодействовал объект. При этом объект никак не может быть отчужден от среды: художник изображенный как художник собирающийся рисовать на полотне, уже помещен в среду, воды Миссисиппи,

приводящие к авульсии, уже есть та среда, которая производит авульсию. Инструмент-бытие одновременно обладает двумя модусами: «быть как нечто специфическое» и «быть как быть вообще».

Таким образом, объектно-ориентированная онтология может применяться для рассмотрения экологии как обесчеловеченной, лишенной центра в виде глаза или оценивающей репрезентации, и в то же время позволяющей работать с объектами.

Шаталов-Давыдов Д.Ю.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- Контингентность и инконтингентность в современной науке
- Проблема «вещи» в философии М. Хайдеггера
- Специфика отношений между объектами в современной онтологии
- Корреляционистский круг в традиции западной философии

Тема 3. СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Основные подходы к проблеме рациональности в современной философии

Анализ современной научной парадигмы невозможен без рассмотрения такого важного понятия, как рациональность. Понимание сущности рациональности эволюционирует вместе с развитием общества. «Формы рациональности, – пишет Т.И. Ойзерман, – которые перестали соответствовать новым историческим условиям, подвергаются отрицанию, то есть преодолеваются продолжающимся развитием»¹. Например, в античную эпоху рациональность определялась исходя из противопоставления ее обыденному мнению, в Средневековье она занимает свое место в оппозиции «знание – вера», Просвещение трактует рациональность как средство борьбы против догматизма и суеверия, Новое время рассматривает ее в качестве основы научного знания и так далее². Таким образом, рациональность носит эталонный характер для анализа культурно-исторических условий существования человека в социуме.

Современное представление о рациональности настолько далеко от того, чем оперировала классическая наука, что совершенно очевидной становится необходимость новых дефиниций, нового ракурса их социальной, экономической и прежде всего философской оценки.

Феномен рациональности активно исследуется представителями различных философских школ и направлений³, что говорит о масштабе и значимости этой проблемы. Равно как и для нашего исследования особенно важно определение места и роли рациональности в современном общественном сознании. П.П. Гайденко очень верно подметила: «Вопрос природы рациональности – не чисто теоретический, но прежде всего жизненно-практический»⁴, поскольку бурное развитие науки и техники на современном этапе цивилизации вносит рационалистический акцент в мировоззрение современного человека.

Сменяющиеся критерии рационального знания привели к плюрализму в понимании форм рациональности. Все многообразие различных подходов к проблеме рациональности в философии⁵ можно свести к рассуждениям о

---

¹ Ойзерман Т.И. Рациональное и иррациональное // Вопросы философии. 1977. № 2. С. 85–86.

² Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М.: Наука, 1988. С. 81–90.

³ Рациональность как предмет философского исследования. М.: ИФ РАН, 1995. 225 с.; Исторические типы рациональности. Т. 1. М.: ИФ РАН, 1995. 350 с.; Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания (Гносеол. аспект). М.: Наука, 1986. 150 с.

⁴ Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 9.

⁵ Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное: историко-теоретический очерк. М.: Наука, 1985. 175 с.

понятии Разума, наличие свойств которого определяет наличие рациональности, отсутствие – наличие нерациональности, выявление противоположных свойств говорит об иррациональности¹.

Можно выделить два основных подхода к анализу многообразия рациональности: исторический и системный.

Исторический подход пронизан идеей развития философской мысли во времени. В первую очередь, к нему можно отнести подразделение рациональности на классическую и неклассическую. Наиболее точное определение этого различия, на наш взгляд, дано М. Мамардашвили в его труде «Классический и неклассический идеалы рациональности».

Классическая традиция берет начало в античности (Платон, Аристотель), через Новое время восходит к идеям Просвещения и немецкой классической философии. Для философов этого направления нет ничего непознаваемого, все объекты и явления связаны причинно-следственной цепочкой, ничто не берется ниоткуда – любая данность растворяется в упорядоченной деятельности. Мир представляется соразмерным человеческой мысли и предполагает полную ясность представлений о нем².

Согласно классической рациональности «в составе внутреннего опыта рационально выделяемые очевидные образования как раз и позволяют усмотреть фундаментальные характеристики мира “как он есть”. Классика ориентирована на десубъективацию внутреннего опыта. В неклассической рациональности имеет место ориентация на рефлексивную, восстанавливающую субъективность, ее неразложимые целостные переживания»³. Неклассическая рациональность предлагает учитывать явления сознания при анализе материального мира, так складывается рационально постижимая онтология, рассматривающая также аспекты сознания и психики.

Неклассическая рациональность отражает состояние сознания, «заброшенного» в социальную реальность и испытывающего манипулятивное воздействие, когда есть необходимость руководствоваться внутренними

---

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской академии наук; гл. ред. В.С. Степин. М.: Мысль, 2000–2001.

² Мамардашвили М.К. Классическая и современная буржуазная философия. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. С. 133.

³ Калинин В.В. Понятия «классического» и «неклассического» в философии М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. С. 133.

истинами, достоверностями, обеспечивающими незыблемость сознания в его противостоянии «социально организованному принуждению к иллюзии»¹.

Другой вариант исторического подхода к рациональности предложен А.М. Дорожкиным², который подразделяет рациональность на онтологическую, гносеологическую, социологическую.

Онтологическая (гегелевская) рациональность полагает рациональным знание, являющееся органичной частью логики всего мира. Осознать можно все и до конца, потому что мир рационален – подчиняется строгим законам, которые либо известны, либо будут известны в будущем: есть незнание, но нет неопределенности.

Гносеологическая (декартовская) рациональность определяет, что областью применения рациональности является сфера духа, точнее – мышление. Иначе, рациональное – это гармония идей, материальное не может быть рационально устроено. В отличие от схоластических представлений, где логичность мышления навязывалась миру вещей, в силу чего не допускалась неопределенность ни в мире вещей, ни в мире идей, в декартовской рациональности неопределенности нет лишь в мире идей.

Социологическая (веберовская) рациональность понимается как социально полезная. Рационально то, что идет на пользу обществу. Таким образом, веберовская рациональность полагает далеко не все интеллектуальные построения человека рациональными. Взгляды Макса Вебера остаются до сих пор в центре научных дискуссий о рациональности.

Ввиду существования нередуцируемых методологических различий в способах интерпретации понятия рациональности в современной науке потребовался системный подход. Н.С. Автономова³ выделяет две группы современных концепций рациональности: прагматико-функционалистскую и ценностно-гуманитаристическую. Несомненно, что концепции рациональности гораздо сложнее и разнообразнее, но для любого научного исследования представляется важным выделить базовые принципы, на основе которых выстраивается все многообразие представлений о рациональности.

---

¹ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.В., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. С. 222.

² Дорожкин А.М. Невербальные формы рациональности (молчание Будды и Кратилловское молчание) // Проблема рациональности в науке и культуре. Серия «Контексты новой науки». Материалы второй межвузовской научной конференции. Вып. 2. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2000. С. 25–26.

³ Автономова Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 56–91.

Прагматико-функционалистская группа теорий выделяет научность в качестве основного акцента, с ее четкой систематизацией и упорядоченностью построений материала. Этот подход представлен прежде всего позитивистами и постпозитивистами (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, Р. Рорти и др.). Основные вопросы данного подхода сводятся к обоснованию и проработке критериев рациональности «научного рассудка», «обыденного сознания», «практического действия». В качестве особенностей данного подхода можно выделить: размытость границ между научной и ненаучной сферами; обыденное и профессиональное суждение имеет одинаковую значимость; методология сводится к типологизации явлений действительности; знание и познание понимаются как социальные конструкции, растворенные в многообразно бесконечном контексте.

Ценностно-гуманистическая группа теорий (П. Рикер, Э. Левинас, Х.-Г. Гадамер) отталкивается в своих построениях от ограничения или отрицания функций разума в его понимании как рассудочности позитивистской науки и перемещении внимания на эстетическое, политическое, религиозное действие. Такой подход представлен в персонализме, экзистенциализме, философии субъективности и предполагает самую широкую трактовку рациональности, ему сопутствуют идеи вторичности разума на фоне других проявлений человеческого существования.

Показывая амбивалентный характер понятия рациональности в системах ее классификации, И.Т. Касавин выделяет логико-эпистемологическую, методологическую и социокультурную парадигмы понимания рациональной деятельности человека¹.

В рамках логико-эпистемологического подхода к рационалистическим представлениям рациональное выступает как, с одной стороны, основа гармонии мироздания и человека, целого и части, общего и частного; а с другой стороны, рациональное оказывается в то же время и в высшей степени целесообразным. Однако И.Т. Касавин отмечает, что «разум – вовсе не монолитное, оторванное от своих применений образование, как считали ранее, но, напротив, практика использования разума и формирует само его содержание, которое всегда существует только в конкретно-исторических формах. Если же принять все эти ограничения, то мы придем к тому, что рациональность, понятая как разумность или логичность, сведется к чему-то вроде “стиля мышления” или “духовного климата эпохи”»². Реальный, доступный наблюдению (по плодам своим) человеческий разум управляется зачастую подсознательными импульсами и

---

¹ Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М.: Наука, 1989. 192 с.

² Там же. С. 12.

влечениями и руководствуется исторически преходящими и изменчивыми принципами, нормативами, интуициями.

Интерпретация рациональности в качестве «научной» появилась при выделении науки в специфическую и привилегированную форму деятельности, опирающуюся на то, что сущностью науки является атрибут самого высокого достоинства, что «неявным образом лишает все находящееся вне науки права на соответствующий высокоценный и достойный атрибут»¹. Непредвзятый, подлинно рационалистический анализ может быть основан не на вычленении некоторой системы (научных, технологических, экономических) нормативов, а скорее на понимании ограниченности и относительности любого метода как осознание необходимости критической рефлексии в отношении выбора подхода к решению проблемы.

Социокультурные интерпретации рациональности характеризуют определенную социальную структуру как рациональную в отличие от других, иррациональных. Логика данного подхода показывает, что рациональность присуща различным социокультурным системам, а не одной избранной, в то же время, данная характеристика всегда оказывается временной и относительной. И.Т. Касавин делает выводы о том, что «любая социокультурная система рациональна по-своему и для своего времени, но в то же время ни одна из них не гарантирует абсолютной рациональности тех действий и решений, которые формируются в согласии с ней»².

Сущность проблемы рациональности В.Н. Порус³ видит в противоборстве двух истолкований рациональности, одно из которых предполагает абсолютные или априорные критерии, другое – релятивные и апостериорные.

В первом случае, имея иррациональную веру в разум (К. Поппер), все диспутанты добровольно подчиняются власти всеобщих рациональных критериев как «априорно» данных. Этот подход исторически связан с классической философией, в которой границы рациональности совпадают со сферой знания, обладающей универсальностью, необходимостью и истинностью. Рациональность – это общая характеристика познавательной и практической деятельности, ведущей к универсальному знанию и направляемая им. Применение критериев рациональности при данном подходе не ограничено никакими конкретными условиями. Такое понимание рациональности

---

¹ Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике... Указ. соч. С. 13.

² Там же. С. 32.

³ Порус В.Н. Рациональная коммуникация и коммуникативная рациональность: эпистемологический анализ // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. И.Т. Касавина, Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 81–83.

характерно для философии науки, когда производится разделение научного и ненаучного (метафизического) мышления.

Исходя из другой стратегии понимания рациональности, рациональным можно считать только то, что способствует достижению целей, выступающих как общие ценности. Такая стратегия характерна для неклассической науки, в которой характер знания признается относительным, зависящим от конкретных условий его получения и использования. В данном случае критерии рациональности соотнесены с определенными целями, контекстуальны, апостериорны и могут меняться при переходе от одной ситуации к другой. Признается равноправие различных, в том числе противоречащих друг другу критериев рациональности, выбор между которыми зависит от множества конкретных условий и факторов, обусловленных внешними по отношению к рациональности целями и ценностями. Само понятие рациональности «привязывается» к ним и опредмечивается.

В.С. Швырев подразделяет рациональность на «закрытую» и «открытую». В «закрытой» рациональности находит отражение идея моделирования рациональности на основе принципов целеориентирования, которые предполагают целенаправленную деятельность. Такой тип рациональности наиболее характерен для научной и познавательной деятельности, для сфер экономики и права¹. Идея «открытой» рациональности состоит «в осознанной как необходимое условие адекватного отношения к миру готовности к постоянному совершенствованию оснований мироориентации человека как свободного и ответственного субъекта, контролирующего и проблематизирующего свои позиции по отношению к объемлющему его миру, который всегда превышает возможности “конечного” его освоения»². «Открытая» рациональность подразумевает творческий способ освоения мира. Таким образом, то, что является рациональным с позиций «закрытой» рациональности, перестает быть таковым в аспекте «открытой» рациональности.

Рассмотрев различные подходы к феномену рациональности, сложно не согласиться с М. Вебером: «жизнь можно рационализировать» с различных точек зрения и в самых различных направлениях, «рационализм – историческое понятие, заключающее в себе целый мир противоположностей»³. Тем не менее,

---

¹ Швырев В.С. Рациональность в современной культуре // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1. С. 113–114.

² Там же. С. 105–116.

³ Вебер М.: *Протестантская этика и дух капитализма* // Вебер М. Избранное. М.: Росспэн, 2006. С. 95.

большинство исследователей все же склоняются к пониманию рациональности как некой формы освоения реальности на основе главенства мышления¹.

Асташова Н.Д.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Исторический подход

М. Мамардашвили

- КЛАССИЧЕСКАЯ
- НЕКЛАССИЧЕСКАЯ

А.М. Дорожкин

- ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ
- ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ
- СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ

Системный подход

И.Т. Касавин

- ЛОГИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ
- МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
- СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ

Н.С. Автономова

- ПРАГМАТИКО-ФУНКЦИОНАЛИСТСКАЯ
- ЦЕННОСТНО-ГУМАНИТАРИСТИЧЕСКАЯ

В.С. Швырев

- ОТКРЫТАЯ
- ЗАКРЫТАЯ

Феномен невербальных форм рациональности

После краткого рассмотрения нашего взгляда на основные подходы к проблеме довольно просто увидеть, что наиболее полярным является понимание рациональности в веберовском смысле. Объясняется это тем, что современная наука активно ищет новые формы, в том числе и такие, которые предполагают более тесные связи с другими типами знания, прежде всего с искусством, культурой (последняя понимается в узком смысле слова). Действительно, всем известно выражение «его жесты были красноречивее любых слов», можно также вспомнить немую сцену в «Ревизоре» Гоголя и др. То есть, вполне рациональным в веберовском смысле является и молчание. Иногда оно наполнено столь значимым социальным смыслом, что любые слова лишь убавят такой смысл. Молчание рациональнее слов, потому что сообщает более, чем что-

---

¹ Никифоров А.Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. М.: Росспэн, 1999. С. 295–313.

либо иное. Не менее заметно, но мало осознанно в наше сознание постоянно проникает и другая рациональность этого же типа. Она связана с нашим существованием в мире техники. Человек, имеющий дело с некоторым техническим устройством, которое он видит впервые (конечно, имеется в виду современный человек), не будет совершенно беспомощным. Он постарается и, чаще всего, не без успеха, использовать метод аналогии в попытках освоить это новое техническое устройство. Самый простой пример — это использование импортной техники, когда инструкция к ней написана на непонятном для пользователя языке. Конечно, далеко не все можно понять без инструкции, однако если проанализировать наши действия в данном случае, то удивительно много мы сможем сделать, даже не владея инструкцией.

Разговор о рациональности технического устройства заслуживает более пристального внимания, нежели мы можем позволить себе в рамках небольшой статьи, поэтому сейчас ограничимся вышеприведенным замечанием и отметим еще одну рациональность в веберовском смысле, ярче всего выраженную, по нашему мнению, в древнекитайской притче. Она такова: было известно из завещания, что совершенно одинаковые по весу, форме и всем другим видимым параметрам фигурки обладают разной ценностью. После многочисленных неудач в ее нахождении люди обратились за советом к мудрецу, который увидел то же, что видели и другие, — небольшие дырочки в ушах фигурок. Воткнув в эти дырки соломинку, мудрец увидел, что у одной фигурки соломинка вышла изо рта, у другой — из уха, а у третьей уперлась во что-то внутри. После этого небольшого эксперимента мудрец определил ценность всех фигурок, назвав наивысшую последней. Вывод или, если угодно, мораль данной притчи имеется и в русском фольклоре: «Слова — серебро, а молчание — золото». Таким образом, невербальные формы рациональности в веберовском смысле выражены в нашем отношении к техническим устройствам и в молчании. Последнее более важно, потому что отмеченное выше отношение к техническому устройству, по сути, является производным от молчания, инструкция ведь является для нас «молчаливой». Отметим еще раз, что рациональность здесь означает выгодность, полезность, прежде всего для человека и общества. А наш пример с техническим устройством подпадает именно под этот пример потому, что часто человек стоит перед выбором: либо собрать свои скудные школьные сведения о содержании иностранного выражения и, пользуясь таким примитивным переводом, попытаться освоить техническое устройство, либо довериться технической интуиции, основанной на аналогии, и зачастую второе оказывается более рациональным.

Рассмотрим теперь, выполняется ли условие рациональности молчания для других типов отмеченных нами рациональностей классического вида. Второй по

широте охвата является рациональность, названная нами декартовской. Здесь также можно обратиться к притче, но уже современной, приведенной Э.В. Ильенковым в его монографии «Об идолах и идеалах». В результате катаклизма (неважно какого) на планете исчезли люди, но остались машины, автоматы, роботы. Самоорганизующиеся и самообучающиеся. Они разные, но их объединяет то, что все они наивысшей ценностью считают информацию. Они, собственно, и существуют, и функционируют ради передачи, приема, производства и потребления информации. Вот они так «жили» и вдруг обнаружили среди себя странный автомат. По виду очень простой — ящик и все. Самое необычное было то, что он потреблял информацию, причем самую разнообразную, более того — любую, но ничего не выдавал. Автоматы заволновались, стали на его входы разную, какую только смогли, информацию подавать. Ответ один — ничего. Поначалу автоматы возмутились таким поведением своего собрата. Ведь все должны работать — производить информацию, хоть какую-нибудь. А он — трутень. Но тут самый умный автомат вдруг заявил: послушайте, братья. В чем наша самая страшная беда? Что наказуемо абсолютно беспощадно, но от чего ни один из нас, тем не менее, не застрахован никогда? Все ответили: это знает каждый автомат с самого рождения — самый страшный грех — это сделать ошибку! Но ведь поскольку он ничего не выдает, он никогда и не ошибается! Он, выходит, мудрее всех нас... Он самый мудрый и самый сложный из нас. И автоматы сделали абсолютного молчальника богом автоматов. Стали ему поклоняться. А потом какой-то молодой глупый автомат в порыве религиозного экстаза, задел бога. Ящик раскрылся... а внутри — пустота.

Э.В. Ильенков в притче предупреждает нас: если мы поверим в идеалы информационного общества, то мы можем оказаться перед пустотой, понимаемой как наивысшая ценность. Конечно, на это можно возразить: притча — предупреждение об автоматах, а не о людях. У людей же все иное, в том числе и мотивы молчания. Но на это возражение можно ответить другим примером. Уже не из жизни автоматов. В античности жил философ Кратил. Полагал себя продолжателем диалектики Гераклита, но проповедовал абсолютный релятивизм. Мир изменчив и неустойчив до такой степени, что процедура обозначения (выявления, определения) чего-либо невозможна. Пока она длится, обозначаемая вещь уже перестает существовать, сменяется на другую в силу постоянной изменчивости всего. Поэтому, — утверждает Кратил, — истинный философ должен молчать, а для процедуры обозначения нужно просто указывать на что-то пальцем. Изложение допустимо лишь в общей, неопределенной форме.

Если божественное молчание автомата есть еще переходная от веберовской к гносеологической форме рациональность, то в последнем примере мы имеем

дело именно с декартовской рациональностью. Мир нерационален, текуч, изменчив. Возможна лишь рациональность в духовной сфере, в познании. И она состоит в том, чтобы не поддаваться соблазну выражения, определения материального мира. Поэтому молчание — вот истинный источник рациональности. В этом смысле приходит на ум еще одна проповедь молчания — тютчевское «мысль изреченная есть ложь». Оставим, однако, вне рамок рассмотрения это выражение, хотя, несомненно, оно достойно самого пристального внимания, и продолжим рассуждение о молчании далее.

Для этого вспомним еще об одном очень знаменитом молчальнике. Известно, что Будда на ряд вопросов отвечал молчанием, потому что:

- на них нет ответа;
- если ответы есть, то они невыразимы (словами);
- если они выразимы, то их нельзя понять.

Расшифровать это можно, по нашему мнению, таким образом: Будда — совершенномудрый и просветленный, то есть он наделен таким знанием, которого нет у других. Но что это за знание? Это знание того, на что у других, простых людей, есть вопросы, но нет ответов. Или же у него есть еще знание того, о чем обычные люди и не подозревают, то есть у них к этому знанию нет еще и вопросов?

Мы склонны полагать, что дело обстоит еще сложнее. В обыденном знании, а зачастую и в научном, считается, что знание (состоявшееся, актуальное, настоящее) существует лишь в форме утверждений, то есть ответов на вопросы. Но ведь и вопрос имеет некоторое содержание, причем, это — слабое выражение, потому что зачастую содержание вопроса столь значимо в науке, что ответ на него уступает по смысловой нагрузке вопросу.

Правда, здесь нужно сделать некоторую оговорку. Так же, как есть бессодержательные ответы, есть и бессодержательные вопросы. Их нужно отделять, отличать от содержательных, и это — очень трудное дело. Ведь при любой попытке отвергнуть новый вопрос как бессодержательный человек рискует упустить то самое новое, которое, может быть, и есть прорыв научной мысли на новые неизведанные рубежи. Помощи при этом ждать не приходится ниоткуда. Так называемая «логика вопросов и ответов» по сути есть логика ответов, потому что содержит такие вопросы, на которые в принципе есть уже ответы. Здесь вопрос не есть самостоятельная, суверенная единица знания. Он есть необходимое, но недостаточное условие существования логики, то есть рациональности знания. Поэтому мы полагаем, более того — настаиваем на том, что вопрос может и должен обладать равным с ответом статусом, а не пониматься как недоразвитая форма утверждения (гипотезы). Каковы причины такой нашей настойчивости? Прежде всего, такой причиной является то, что есть

вопросы, на которые, КАК НАМ КАЖЕТСЯ, в соответствии с нынешним уровнем знания, мы имеем возможность ответить. Есть вопросы, на которые опять же, как нам кажется, мы не имеем ответов. Но нет вопросов, на которые мы однозначно, навсегда не имеем возможности дать никаких ответов. Заметим здесь, что мы данным утверждением перечим Юму и Канту. С точки зрения Канта, вопрос о том, есть ли бог, никогда не получит ответа в области «чистого разума». Но дело в том, что это «никогда» тоже есть ответ. Конечно, своеобразный, но ответ. Кант просто переводит содержание вопроса в область неопределенностного знания, но тут же дважды снижает (упрощает) качество неопределенности. Во-первых, тем, что лишает возможности выхода из этой области (а это уже, между прочим, определенность). Во-вторых, указанием на антиномичность, то есть на единственную возможность пути выхода.

В свете сказанного мы позволим себе заявить, что Будда мудрее Канта, (конечно, данное заявление нужно рассматривать во-первых, только в отмеченном отношении, во-вторых, учитывая всю гипотетичность такого сравнения). Тем не менее, заявляем мы так потому, что Будда промолчал, а Кант попытался рационализировать знание путем элиминации неопределенности и при этом «пострадало» будущее знание. Будда, промолчав, оставив знание в неопределенностной форме, не наделил содержание вопроса характеристикой «никогда» и тем самым оставил место будущим формам рациональности.

Еще раз отметим, что испытываем в вышеприведенных заявлениях значительную долю неловкости, выступая судьями в гипотетическом споре Будды и Канта, но нас извиняет то, что это — наши Будда и Кант. (Нами понимаемые Будда и Кант). Такая оговорка позволяет нам продолжить наши рассуждения о Будде и заявить о том, что использованы еще не все возможности для выявления рациональности бундовского молчания. На наш взгляд, можно еще говорить о рациональности неопределенностного знания. Для пояснения этого понятия воспользуемся примером из истории. В Средние века схоласты изнуряли себя вопросом: может ли всемогущий господь создать камень, который сам не сможет поднять? Это знание в форме вопроса. Рискнем провести познавательную аналогию, и перефразируем содержание молчания Будды как ответ на вопрос: может ли Будда озадачить себя таким вопросом, на который он сам не сможет никогда ответить? Средневековые схоласты, так же как и Кант, не пожелали оставить вопрос без ответа, причем, если Кант поступает более рационально, утверждая, что ответа на некоторые из вопросов никогда не будет, то схоласты пытаются дать ответ и ответ прямой. При этом схоласты пытаются закрыть вопрос, Кант — отклонить как безответный, и в обоих случаях лишают инициативы вопрошающего. Будда же молчанием, то есть переводом знания в

неопределенностную форму, наоборот — провоцирует вопрошающего. В этом и состоит рациональность неопределенностного знания.

Наконец, отметим, что рациональность такого вида можно увидеть (при желании, конечно) не только в методологическом арсенале гипотетических персон. Ньютоновское «гипотез я не измышляю» ныне традиционно понимается как полное согласие научного гения с эмпирическим путем развития естествознания, его неприятие декартовского рационализма. Однако, с нашей точки зрения (конечно, небесспорной), это его высказывание можно понимать и как гениальную методологическую догадку о том, к чему мы только начинаем привыкать — существованию научного знания не только в форме теорий и гипотез, но и в форме проблем. При этом последние нельзя понимать как нечто такое, что надлежит во что бы то ни стало разрешить, можно, а иногда и нужно оставить знание в неопределенностной форме — как проблеме. И это более рационально, нежели эрзац-ответ.

Дорожкин А.М.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- Значение иррационального и нерационального для современной науки
- Формальная рациональность М. Вебера и современные экономические системы
- Рациональность как ценностная система. Восточное и Западное понимание рационального поведения.
- Проблемы личности в системах рациональности
- Актуальная методология рационального познания в науке

Тема 4. ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ. РИТОРИКА НАУКИ

Научная коммуникация в развитии – от «республики ученых» к социальным интернет-сетям для исследователей

Формирование «Республики ученых»

Научная коммуникация представляет собой «особым образом упорядоченную систему социальных взаимодействий, направленных на поиск, накопление и распространение научных знаний об окружающей действительности, осуществляемых посредством различных каналов, средств, форм и институтов коммуникации»¹. Научная коммуникация бывает *неформальной* (личные беседы, неформальные дискуссии, личная переписка и т.п.) и *формальной* (публикация монографий, научных статей, участие в научных конференциях, семинарах, защитах диссертаций и других официальных научных мероприятиях).

Практики научной коммуникации формируются в Европе с XVII в. на основе личных связей, встреч, переписки, коммуникаций в публичных пространствах типа литературных салонов, неформальных научных кружков и т.п. Подобные неформальные объединения XVII века получили название «*Республики ученых*» – союзов европейских интеллектуалов Нового времени на основе принципов свободы, гуманности и рационального критицизма. Происхождение термина «Республика Ученых» возводят к итальянским гуманистам начала XV века². Данное понятие получило распространение благодаря философу Эразму Роттердамскому, который выдвигал особые требования к «гражданину» «Республики»: широкая образованность, терпимость к иному мнению, распространение культуры диалога, формирование этики научного спора, научного общения, стремление распространять знания и работать на благо всей «Республики учености»³.

На территории Франции и Англии формируются первые подобные коммуникационные сети, насчитывающие до трех сотен корреспондентов. Они способствовали осведомлению ученых Европы о научных исследованиях,

---

¹ Решетникова Е.В. Научные коммуникации: эволюция форм, принципов организации // Электронный ресурс. — Н.: Сибирский государственный университет телекоммуникации и информатики, 2014. URL: <https://sibsutis.ru/upload/publications/9b3/uxofvfwfphpyfwz%20nlcieeuzqkvzohdcsxzhcvdi.pdf>

² Елизаров В. П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого сообщества» / Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю. Л. Качанова. – М.: ИС РАН, 2000. С. 103.

³ Решетникова Е.В. Научные коммуникации: эволюция форм, принципов организации // Электронный ресурс. — Н.: Сибирский государственный университет телекоммуникации и информатики, 2014. URL: <https://sibsutis.ru/upload/publications/9b3/uxofvfwfphpyfwz%20nlcieeuzqkvzohdcsxzhcvdi.pdf>. С.2. Решетникова Е.В. Научные коммуникации... С. 2.

накоплению знания, научным дискуссиям в области естественных наук, медицины, сельского хозяйства, политики, образования. Республика ученых объединила таких интеллектуалов Нового времени, как Ф. Бэкон и Г. Галилей, И. Ньютон и Р. Декарт, Б. Паскаль, Р. Бойл, Г. Лейбниц, М. Мерсенн и др. Первые коммуникационные сети Англии и Франции легли в основу первых научных государственных сообществ – Лондонского Королевского Общества и Французской Академии Наук.

Первые сообщества, ориентирующиеся на естествознание, появляются в 30-е гг. XVII века. Самым знаменитым из них является «академия Мерсенна» – частные собрания интеллектуалов (организуемые французским математиком, физиком, философом Мареном Мерсенном), главным предметом интереса которых были физико-математические науки. В 1666 г. появляется Парижская Королевская Академия Наук, первый во Франции официально признанный научный институт нового типа. Академия стала компромиссом между старыми институтами и вышедшей из подпольной переписки и кружков новой интеллектуальной элитой. За несколько лет до этого, в 1662 г, было основано Лондонское Королевское Общество, основой которого послужили собрания, организуемые английским ученым и просветителем Самуэлем Гартлибом и немецким ученым Теодором Гааком в Лондоне 1640-х гг.

Официальными каналами научной коммуникации XVII века были университетские диспуты и книги. Университетский дискурс имел четкое распределение социальных ролей участников, жесткий ритуал теологического диспута, возникший в Средневековье, и закрытый для языка новой науки мир. Книгоиздательская деятельность также находилась под контролем университетов как в отношении цензуры, так и в плане жанровой организации. Деятельность же неформальных сообществ «Республики ученых» была маргинальна этим институтам по своему социальному устройству, своим идеям и используемым языкам общения. Языком университетской среды была латынь, однако в XVII веке происходит экспансии национальных языков. Кроме того, деятельность большинства участников союза Мерсенна, профессионально занимающихся проблемами языка, была связана с переводами с древних и восточных языков¹.

С середины 1660-х годов появляется первый печатный орган Лондонского Королевского Общества – журнал «Философские записки». Появившись в эпоху,

---

¹ Елизаров В. П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого сообщества» / Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю. Л. Качанова. – М.: ИС РАН, 2000. С. 119–120.

когда «обмен открытиями зачастую считался невыгодным» и был чреват плагиатом¹, научные журналы стали конкурировать с книгами, альманахами, письмами и т.д. В итоге они стали преобладающей формой научной коммуникации «благодаря более быстрому и чаще повторяющемуся типу распространения информации»².

Научная коммуникация в цифровую эпоху

В XX-XXI вв. еще более революционной формой коммуникации стала цифровая (электронная почта, мессенджеры, чаты, форумы, блоги, социальные сети и т.п.); кроме того, появляются онлайн-базы научных данных, цифровые библиотеки и журналы, в том числе с открытым доступом. Во второй половине 2000-х гг. были запущены также *виртуальные сетевые сообщества для ученых* типа Academia.edu, ResearchGate, Mendeley, Social Science Research Network (SSRN), VIVO и др. «[Б]удучи воплощением идеи открытой и глобальной науки, академические сети объединяют географически разделенных исследователей и организуют коммуникативные научные обмены»³. Они предоставляют возможность бесплатно делиться полными текстами своих работ, анонсировать проекты и планируемые публикации, размещать промежуточные результаты научных изысканий, делиться идеями и пр., а также получать быстрый отклик (поддержку, критику, неформальную рецензию и т.д.). Можно говорить о том, что цифровизация в той или иной степени преобразует очертания, структуру и отчасти сущность научных коммуникаций и коллабораций.

Одними из самых известных и популярных социальных сетей для ученых считаются запущенные в 2008 году *Academia.edu* (создатель и в настоящий момент исполнительный директор – Ричард Прайс) и *ResearchGate* (создатели – ученые-медики Иджад Мадиш и Зерен Хофмайер, а также компьютерный специалист Хорст Фиккеншер). Зафиксированы и описаны некоторые случаи реального и весьма ощутимого удаленного сотрудничества, инициированного благодаря возможностям ResearchGate. К примеру, был реализован международный проект в области микробиологии между студентом из Нигерии и итальянским профессором исключительно в сети, без оффлайн встреч⁴. Между

---

¹ Nielsen M. The Future of Science: Building a better collective memory // Michaelnielsen. July 17, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://michaelnielsen.org/blog/the-future-of-science-2/>

² Owen J. M. The Scientific Article in the Age of Digitization. Dordrecht, Netherlands: Springer, 2007. P. 193–194.

³ Душина С. А., Хватова Т. Ю., Николаенко Г. А. Академические интернет-сети: платформа научного обмена или инстаграм для ученых? (На примере ResearchGate) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 121–122.

⁴ Noorden R. Online Collaboration: Scientists and the Social Network // Nature. 2014. Vol. 512. No. 7513. P.126–129.

представителями различных областей, включая вирусологов и компьютерных специалистов, имело место успешное обсуждение технической проблемы, связанной со вспышкой эпидемии лихорадки Эбола в 2014 г. в Западной Африке и получившей в итоге логистическое решение¹.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию того, что научные социальные сети в той или иной степени способствуют мобильности идей, подходов, методов, технологий и т.д., не говоря уже о возможности бесплатного доступа к полным текстам статей. Являются либо могут стать в перспективе подобные платформы зонами обмена? С одной стороны, на это указывают присущие им особенности, такие как: реальная коммуникация «здесь-и-сейчас»; (условно) открытый доступ к информации и ее оценке в виде комментариев, дискуссий, «открытых рецензий» и т.д.; глобальность охвата; мультикультурность, коммуникативная свобода, преодоление границ прежде устойчивых социальных связей и отношений. Подобные преимущества связаны в том числе с коллективным характером современной науки, заменой индивидуального познающего субъекта коллективным и рассмотрением научных продуктов (открытий), ее составляющих (методов и т.п.) как результатов коллективной деятельности². С другой стороны, в настоящее время коммуникация и обмен в социальных сетях для ученых являются все-таки дополнением к устоявшимся каналам научной коммуникации и служат преимущественно для самопрезентации и поиска информации³.

Шибаршина С.В.

Проблема истинности в естественнонаучных текстах

Любой текст отражает точку зрения и взгляд говорящего, даже если субъект речи не явно выражен или сознательно скрывается. В самых нейтральных текстах мы находим множество свидетельств, косвенно указывающих на повествователя. К таким свидетельствам можно отнести и конструкции, указывающие на истинность высказывания на том основании, что оценку истинностного статуса высказывания всегда проводит субъект речи: «Утверждая что-то, человек совершает речевой акт, в иллюкутивную силу которого входит:

---

¹ Shuster S. The Architect of a Social Network for Scientists // Time.com. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://time.com/3583191/social-network-scientists-builder/>

² Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь Мир, 2016. С. 117.

³ Душина С. А., Хватова Т. Ю., Николаенко Г. А. Академические интернет-сети: платформа научного обмена или инстаграм для ученых? (На примере ResearchGate) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 121–122.

1) его собственное убеждение в том, что то, что он здесь сейчас говорит, соответствует действительности; 2) намерение индуцировать соответствующее убеждение у адресата»¹.

Выбор маркеров «истинности» как объекта рассмотрения обусловлен тем, что понятие истины является одним из центральных для научного мышления и лежит в основе его аксиологической системы. Например, в статье «Наука» из энциклопедического словаря по философии под ред. А. А. Ивина указано: «Систематические занятия наукой предполагают также усвоение особой системы ценностей. Фундаментом выступают *ценностные установки на поиск истины и на постоянное наращивание истинного знания*»².

Слово *истина* ассоциируется скорее с академической сферой и чаще используется как термин, а не как слово обыденного языка. В обыденной речи в соответствующих контекстах чаще встречается слово *правда*. Исследователи указывают на разграничение концептов *правда* и *истина* в современном русском языке и относят концепт *правда* к обыденному языку, а концепт *истина* – к книжному стилю (использование этого концепта более характерно для религиозных и научных текстов): «Основные различия между правдой и истиной коренятся в том, что эти концепты локализованы в принципиально разных пространствах: Истина относится к Божественному миру, истина и истинность — к эпистемическому (логическому) пространству, правда — к миру человека»³.

В обыденной речи апелляция к истине чаще всего говорит не о реальном статусе высказывания, а о попытке в пространстве «мнений» маркировать особый «объективный», с точки зрения говорящего, характер высказывания и убедить в этой объективности собеседника: «...любое эксплицитное выражение истины на лексическом уровне потенциально имеет значительный манипулятивный потенциал. Иными словами, чем чаще говорящий апеллирует к «истине», тем меньше в его суждениях истины, потому что объективная истина на самом деле нуждается в верификации, т. е. в подтверждении ее соответствия фактам, а не в словесной экспликации в режиме метатекстового включения»⁴.

Для утверждения истинности высказывания обычно бывает вполне достаточно простого утвердительного предложения – конструкции со словом

---

¹ Радбиль Т.Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях *de re* // Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 264–273. Стр. 266.

² Философия: энциклопедический словарь. / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: http://www.logic-books.info/sites/default/files/ivin_filosofiya_es.doc (дата обращения: 18.02.2019).

³ Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. Стр. 21-30. Стр. 30

⁴ Радбиль Т.Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях *de re* // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М: Гнозис. 2016. С. 137–148. Стр. 147.

истина часто используются для выражения субъективности, а не для утверждения какого-либо факта как истинного.

Прямая апелляция к истине в научных текстах встречается довольно редко. Можно предположить, что это обусловлено избыточностью использования открытого утверждения истины, как при помощи прямого указания (как, например, *это утверждение истинно*), так и при помощи специальных (модальных) конструкций (*в истинном смысле слова и др.*). В предустановку каждого высказывания научного текста вынесено *Я провел исследование и поэтому утверждаю, что*. То есть, предполагается, что автор научной статьи берет на себя некоторые особые эпистемические обязательства: истинно в науке то, что верифицировано и включено в научный контекст (то есть напечатано в научном издании, не отозвано, а в нашей выборке еще и процитировано коллегами).

Кроме того, современные естественные науки избегают рефлексии и тем более использования метафизических понятий вроде *истины* при описании конкретных научных результатов. Социология выделяет это как важную черту современной науки.

Несмотря на избыточность и даже нежелательность указания на истину в естественнонаучных статьях, апелляция к истине иногда встречается и является одним из способов выражения субъективности научных текстов.

Использование слова *истина* в научных статьях парадоксально: с одной стороны, в научном тексте должны быть изложена «объективная» и верифицированная истина, а с другой стороны, мы наблюдаем попытки избежать прямого утверждения результата исследования как истинного. Другими словами, выражения со словом *истина* придают высказыванию оттенок неуверенности, более того, они могут рассматриваться как способ уклонения говорящего от ответственности за содержание высказывания.

Обобщая вышесказанное можно сказать, что в естественнонаучных текстах апелляция к истине не используется для прямого утверждения результата исследования как истинного (поскольку эта установка входит в предустановки научного высказывания и является избыточной), но привносит в научный текст специфические субъективные значения. Причем спектр этих значений довольно широк: от неуверенности и уклонения от ответственности за содержание высказывания до необоснованной уверенности и нехарактерной для научного стиля эмоциональности.

Как мы уже упоминали, современные учёные довольно редко прямо говорят об истине как аксиологической основе науки, при этом, каждый из огромного постоянно пополняемого множества научных текстов претендует на достоверность полученных результатов и свои притязания реализует при

помощи определенных риторических приемов. Арсенал этих приемов менялся исторически. Чуть больше ста лет назад Д.И. Менделеев еще мог прямо написать, что он занят поиском истины: «Если бы моя «попытка» повела к такой выработке, хотя бы совсем с иной стороны, моя решимость выступить с желанием реально понять эфир была бы оправдана законами истории поступательного движения знаний, то есть *искания истины*»¹. В современном естественнонаучном тексте вряд ли можно встретить такую откровенность. Отказ от понимания развития науки как прогрессивного процесса поиска истины, фаллибилизм К. Поппера, а потом и сильная программа Д. Блура сделали тему истины как цели исследования в естественно-научных текстах запретной, а прямое указание на истинность научного открытия невозможным.

В публицистических текстах, связанных с наукой, указания на истинность научных знаний более приемлемы: ученые и сейчас говорят об истине как о цели науки, но делают это только в научно-популярных статьях, интервью и в других видах публицистических высказываний. Приведем в качестве примеров отрывок из заявления клуба 1 июля «О методах научного исследования и диссертации В.Р.Мединского»: «Целью науки является *поиск истины*, и попытки заменить ее мифами, из каких бы соображений это ни делалось, подрывают основы научного взгляда на мир» [О методах научного исследования...: 2016], а также известную цитату из речи А.А. Зализняка на вручении ему Премии А. Солженицына: «*Истина существует*, и целью науки является ее поиск» [Речь А. А. Зализняка, web].

Однако, на контрасте с этими смелыми высказываниями, в глаза особенно бросается отсутствие в собственно научных текстах рефлексии процесса получения научного знания и прямых указаний на производство знания как поиск истины. Вопрос об истине в современных научных текстах сменился вопросом об убедительности или интересубъективной приемлемости. «В современной теории познания проблема объективного содержания знания трансформируется в проблему его обоснования, то есть выяснения условий его интересубъективной приемлемости. Поэтому вопрос об истине — это вопрос об особых способах дискурса, легализующихся благодаря связи с исторически конкретными культурными предпосылками. Данные дискурсивные формы выражены нормативными суждениями»².

Выполнение требований научного дискурса легитимирует описанное в тексте исследование и делает высказывание убедительным за счет самого

---

¹ Менделеев Д.И. «Попытка химического понимания мирового эфира» // Периодический закон. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. СТР. 470—517. С. 502.

² Касавин И. Т., Можейко М. А., Кемеров В. Е. Истина. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6980> (дата обращения: 24.09.2019).

включения в контекст: как для религиозного человека истинно то, что написано в священных текстах, так для рационального — то, что публикуется в высокорейтинговых научных журналах с большим импакт-фактором. Если «играть по правилам», то высказывания будут истинны: но вне дискурса эти правила уже не работают и не легитимируют истину, например, эволюция не станет истинной для креациониста.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что указание на истину в научном дискурсе является риторическим приемом, который привносит в структуру пропозиции модально-оценочное значение. Указание на истину может функционировать в тексте как псевдо-аргумент, а следовательно, использоваться для манипуляции мнением адресата текста. Такие употребления указания на истину не встроены в дискурсивную норму научного текста и являются аномальными.

Сахарова А.В.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- «Новая Атлантида» и «Новый Органон»: Ф. Бэкон у истоков науки как социального института
- Социальные интернет-сети для ученых, научные блоги и youtube-ролики: новое слово в научной коммуникации?
- Язык, мировоззрение и смысл: как язык «скрывает» точки зрения и идеологии.
- Проблема истины в познании. Основные концепции истины. Существует ли научная истина?
- Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: что важнее?

Тема 5. «ЗОНЫ ОБМЕНА» В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Питер Галисон: зона обмена, общий язык, пограничный объект

В настоящее время все большую актуальность приобретает вопрос о механизмах, позволяющих осуществлять, с одной стороны, эффективное взаимодействие и общение в науке, включая междисциплинарную коммуникацию, с другой стороны – коммуникацию и взаимодействие между научными сообществами и широкой публикой. Для описания практик первого типа в конце 1990-х гг американский историк науки Питер Галисон ввел понятие «зоны обмена» (англ. trading zone)¹. Одной из задач был ответ на вопрос о том, как различные научные субкультуры (в его исследовании физики-теоретики, математики, физики-экспериментаторы и инженеры) находят общий язык и создают совместные проекты. Для чего Галисон пытался решить эту проблему?

Краткая предыстория здесь такова. Известная концепция роста научного знания, получившая название «теория научных революций», американского историка и философа науки Томаса Куна (1922-1996) основана на идее о том, что научные революции совершаются через смену парадигм. *Парадигма* – некое видение научной проблемы, включающее признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу. Примером из физики начала XX века может служить переход от максвелловского электромагнитического мировоззрения (старая парадигма) к эйнштейновскому релятивистскому мировоззрению (новая парадигма), который не произошел мгновенно и мирно, но сопровождался горячими дискуссиями среди ученых. В итоге теория Эйнштейна победила. При этом Т. Кун считает, что научное знание в разных парадигмах несоизмеримо. Ученые, находящиеся в разных парадигмах, обладают знаниями, настолько разными по содержанию, что взаимопонимание между ними невозможно. Преемственность в росте научных знаний, по Куну, невозможна. Поэтому его концепцию называют антикумулятивистской (дословно – антинакопительной).

Разные исследователи пытались решить проблему того, как же происходит взаимопонимание между представителями разных научных традиций. П. Галисон попытался показать, как это происходит не в теории, а на практике: в реальных научных коллаборациях. В своей хрестоматийной работе «Зона обмена: координация убеждений и действий» Галисон говорит о неоднородности и «многослойности» науки, в рамках которой различные традиции –

---

¹ Galison P. Trading Zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / Ed. by M. Biagioli. N. Y.: Routledge, 1999. P. 137–160. Русский перевод данной работы: Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы естествознания и техники. 2004. №1. С. 64–91.

теоретизирование (разработка фундаментальных проблем), экспериментирование (эмпирические данные), изготовление инструментов и инженерная деятельность (разработка материально-технической базы исследования) – зачастую пересекаются и даже преобразуют друг друга, но при этом не теряют своей самостоятельности¹. Другими словами, зона обмена возникает вокруг пространства (лаборатории, научной установки), где представители одной науки (например, физики), обладая разной специализацией, могут обмениваться теориями, идеями, инструментами и технологиями. В контексте этого пространства происходит «локальная координация убеждений и действий»².

Метафора «зоны обмена» была создана Галисоном под влиянием антропологических исследований, в которых описывается история появления торговых языков, возникающих для обмена между различными племенами. Из лингвистической антропологии Галисон заимствует слова «пиджин» и «креольский язык»³. В научно-технических зонах обмена в ходе совместной работы над проектом, по его мнению, так же может сформироваться упрощенный язык общения, включающий элементы из научного жаргона теоретиков, экспериментаторов и инженеров.

Кроме того, Галисон заимствует понятие «пограничного объекта» (англ. boundary object) у Сьюзен Ли Стар и Джеймса Гризмера, которые предложили данное выражение для ответа на вопрос о том, как договариваются между собой представители различных социальных миров⁴. Это своего рода пограничные ценностно-познавательные объекты, ситуативно фокусирующие представителей различных социальных миров на поиск общих целей и задач вопреки концептуальным разночтениям. Пограничный объект может быть как материальной вещью, так и идеальной структурой (например, идеей, абстракцией, концепцией, диаграммой, графиками и т.п.). Примеры материальных пограничных объектов: научные установки, хранилища (в смысле

---

¹ Galison P. Trading Zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / Ed. by M. Biagioli. N. Y.: Routledge, 1999. P. 137–160. Русский перевод данной работы: Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы естествознания и техники. 2004. №1. С. 64–91. Галисон. Указ. соч.

² Там же, с. 67.

³ Пиджин – упрощенный язык, возникающий как средство общения между этническими группами, говорящими на неродственных и/или взаимно непонятных языках, но вынужденных регулярно контактировать друг с другом в силу тех или иных объективных потребностей. Креольский язык – дальнейший этап развития пиджина, который из упрощенного языка постепенно становится родным для значительной части смешанного по происхождению населения и превращается в самостоятельный язык. Большинство креольских языков, как и пиджинов, возникло в эпоху европейской колонизации Америки, Азии и Африки в 15-20 веках.

⁴ Star S. L., Griesemer J. R. Institutional Ecology, 'Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907-39 // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19. No. 3. P. 387–420.

пространства, в которых находятся вещи или документы, которые могут быть использованы разными людьми), например библиотеки или фонды музеев; даже велодорожки и заповедные территории.

Суть в том, что пограничный объект является точкой пересечения общих интересов, ценность которых разными сторонами может восприниматься неодинаково, как и сам процесс обмена. Приведем антропологическую иллюстрацию. Отношение, допустим, европейцев к вещам носит во многом инструментальный характер, тогда как в экзотических культурах – во многом сакральный: к примеру, для первых деньги служат прежде всего инструментом обмена, для вторых могут иметь магическую ценность. Но это не препятствовало обмену между европейцами и экзотическими племенами. Пограничное положение объекта делает его доступным для представителей различных социальных групп, научных дисциплин, стилей мышления.

Сами Стар и Гризмер в качестве примера формирования и функционирования пограничных объектов описывают процесс создания Музея зоологии позвоночных в Беркли (Калифорния, США), объединивший в общей концептуальной рамке работу профессиональных исследователей и ученых-любителей, администраторов, спонсоров, представителей местной власти и т.д. Представители различных социальных групп смотрели на экспозицию музея сквозь призму различных ценностей, идей и целей. У Галисона же пограничным объектом служит научная установка.

Развитие концепции зон обмена

Концепция зон обмена в науке довольно быстро «прижилась» в исследовательской литературе и нередко стала выступать в качестве теоретической основы для объяснения различных взаимодействий в науке. Канадский философ Пол Тагард на примере развития когнитивных наук как *междисциплинарных практик* рассматривает основные условия успешности работы зон обмена: университетские собрания, формирование научных центров, специализированных организаций (научных обществ, журналов и т. п.)¹. Историки науки Дипанвита Дасгупта (Индия) и Александер Левин (США) применяют концепцию зон обмена для описания *взаимодействия «науки центра»* (европейские и североамериканские научные сообщества) и *«периферийных наук»* (так они называют научные сообщества Индии, Китая, Кореи и Латинской Америки). С их точки зрения, «периферийные науки» имеют

---

¹ Thaggard, P. Being interdisciplinary: Trading zones in cognitive science. In: S.Y. Derry, C.D. Schunn, M.A. Gernsbacher (eds) *Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science*. Mahwah, New York: Erlbaum, 2005, pp. 317–339.

в своем составе достаточное количество потенциальных вкладчиков в научно-техническое развитие, однако лишены ресурсов для реализации своих потенциалов¹.

Социологи Гарри Коллинз, Роберт Эванс и Майкл Горман предложили свою модель зон обмена на основе двух пересекающихся измерений («осей»): «сотрудничества-принуждения» и «однородности-неоднородности»². При этом понятие «зоны обмена» они распространили вне науки. Данные исследователи показали, что зоны обмена могут однородными (представители схожих субкультур) и неоднородными (представители разных субкультур). Также они описали разные типы вовлечения в зоны обмена: принуждение и сотрудничество. Принуждение бывает максимальным (например, тоталитарные схемы управления на заводе) и более мягким (культурное поглощение, культурная гегемония, например, широкое распространение фаст-фуда как американского стиля индустрии питания)³. Поглощение, однако, может быть и технологическим: к примеру, для большинства пользователей Microsoft Windows – это фактически предложение, от которого сложно отказаться, поскольку данный софт наиболее доступен. Если говорить в терминах научных революций и антикумулятивизма, «язык эйнштейновской физики колонизировал язык ньютоновской физики»⁴. Коллинзовская модель, делая подобные различия, также позволяет описывать эволюцию зон обмена. То есть зоны обмена могут переходить одна в другую.

Некоторые исследователи предприняли попытку исторической реконструкции пространств коммуникации, которые могут служить своего рода прообразами для современных форматов организации научных взаимодействий. Обозначая необходимость изучения исторических контекстов, И. Т. Касавин отмечает, что историческая реконструкция позволяет выявить предшествующие научной лаборатории коммуникативные площадки, своего рода познавательные *протонаучные зоны обмена* (кузницы, мельницы, аптеки, литературные салоны, «джентльменские» клубы, научные кружки, первые академии и другие коммуникативные площадки, где «встречались разные люди, культивировались разнообразные практики»⁵. Следует помнить, что в условиях, когда наука еще не была институализирована, научная коммуникация оказывалась как бы

---

¹ Dasgupta D., Levine A. Trading zones, peripheral science and contributory expertise: a framework for exploring science outside the Western contexts // *Current Science*. 2013. Vol. 104. No. 12. P. 1616–1618

² Collins H., Evans R., Gorman M. Trading Zones and Interactional Expertise // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2007. Vol. 38. No. 4. P. 657–666.

³ *Ibid.*, p. 660.

⁴ *Ibid.*

⁵ Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 15.

распыленной между различными социальными практиками и не имела своей формально закреплённой локальности типа лаборатории, научного центра, научного журнала и т.д.

Вполне допустимо, что во времена существования литературных салонов обмен знаниями и мнениями происходил с меньшими затруднениями, нежели это имеет место быть сейчас, в том смысле, что тогда не существовало такого количества специальных научных языков. Постепенно, по мере дифференциации научного знания, для каждой отрасли вырабатывался свой специфический язык, на котором могли общаться лишь, так сказать, посвященные. Такие языки порой настолько разительно отличаются друг от друга, что здесь допустимо некоторое сравнение с отличием национальных языков общения друг от друга. Поэтому в контексте данной проблемы концепция зон обмена представляется актуальной и полезной.

Зоны обмена между наукой и обществом

Большинство исследований зон обмена описывают либо чисто «внутренние» зоны обмена, либо сотрудничество между учеными и государственными органами / бизнесом. Однако возможно ли расширить данное понятие до включения обычных граждан? Как известно, одним из важнейших вопросов в условиях современного изменения инфраструктуры производства и распространения научного знания можно считать вопрос о внешних зонах обмена, включающих взаимодействие с промышленным сектором и связанных с системой подготовки научных кадров с соответствующими новым вызовам эпохи знаниями, умениями и навыками. Актуальной является проблема интерфейса, который бы обеспечивал взаимодействие между наукой и обществом. Но возможно ли создание зон обмена нового типа, способных стать культуuroобразующими локусами, связывающими науку и общество? В принципе, площадки подобного типа существуют (музеи, парки и центры науки, различные форматы «публичной науки» и т.д.), однако могут ли они служить именно зонами обмена?

В связи с этим российскими исследователями была предложена новая типология различных зон обмена: (1) галисоновские (между представителями научного сообщества); (2) гумбольдтовские (между актуальными и потенциальными членами научного сообщества); (3) негумбольдтовские (научная популяризация)¹.

---

¹ Дорожкин А. М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 20–29.

1. *Галисоновские зоны обмена*. Сюда можно отнести многие описанные в литературе примеры научного взаимодействия, включая междисциплинарную коммуникацию.

2. *Гумбольдтовские зоны обмена*, включающие коммуникацию между членами научного сообщества, с одной стороны, и желающими войти в таковое – с другой. Классический пример – учитель и ученик, а также высшее образование в целом. Модель такой коммуникации может строиться как на трансляции научного знания (лекции-монологи, жесткая схема семинара без равноценной дискуссии, пассивное восприятие информации), так и на диалогичном способе конструирования знания (пример – сократовский метод, включающий иронию и майевтику, а также активное взаимодействие и сотворчество). Как заметил российский философ и языковед А.А. Потебня, знание невозможно передать – знанием можно только заразить. Поэтому учитель для формирования успешной коммуникации может лавировать между попыткой передать ученикам как можно больше информации и одновременно пробудить в них интерес, желания самим докопаться до сути.

3. *Негумбольдтовские зоны обмена*, включающие такие явления, как научная популяризация, популярная наука, гражданская наука и другие проекты в рамках взаимодействия науки и общества, в том числе фестивали науки, интерактивные музеи науки, научные демонстрации и т.д.

В плане построения успешных зон обмена это один из самых дискуссионных типов в том числе потому, что аудиторией научных популяризаторов и коммуникаторов является широкая публика, значительная часть которой имеет устоявшееся мировоззрение, иногда очень далекое от научного, и которая может упорно сопротивляться взаимодействию. Очевидным обмен видится в рамках гражданской науки (англ. citizen science) – движения проведения научных исследований с привлечением широкого круга добровольцев, многие из которых могут быть любителями, то есть не иметь предварительного научного образования и подготовки по специальности. В определенной степени можно согласиться с возможностью познавательного обмена в ситуациях общественных дебатов и общественной экспертизы по поводу научно-технологических проектов. Здесь полезное знание может быть получено от публики, которая выступает своего рода повседневным знатоком местного контекста, обладающим неявным знанием локальных реалий.

В случае же популяризации науки непросто предложить соответствующую коммуникативную/коллаборативную модель обмена. Одним из вариантов здесь является вовлечение молодежи в науку как профессиональную деятельность: тогда научное сообщество может в перспективе получить взамен новые научные кадры. Тогда популяризация науки может быть описана как механизм

вовлечения в «негумбольдтовскую» зону обмена (которая, на самом деле, может быть частью «гумбольдтовской»: к примеру, парк науки, реализуемый на базе университета).

Относительно проблемы обмена следует отметить, что в научных центрах и музеях зачастую есть «пограничные объекты» – различные научные экспонаты, которые можно потрогать и даже попробовать в действии. Своего рода медиаторами здесь выступают сотрудники центров и музеев. Безусловно, каждая из сторон будет по-своему оценивать «пограничный объект», при этом возможность «поиграться» с ним может способствовать его демистификации в глазах «обывателя» и приближению к научной интерпретации его значимости. В рамках общественных дебатов, кстати, «пограничным объектом» является дискутируемая научно-техническая инновация, ценность которой для ученых может быть самоочевидной – для публики же в целом более важной может казаться ее социальная значимость и последствия внедрения.

Относительно общего упрощенного языка в научной популяризации частично эта проблема решается. Без адаптации научного языка невозможно достигнуть эффективности в достижении понимания, и популяризаторы прибегают как к упрощенным формулировкам, так и к визуализации, включая образы и метафоры как фигуры речи. Кроме того, артефакты, демонстрации (например, химических реакций) и пр. также являются инструментами формирования «моста интерпретаций». То есть подобные практики создают предпосылки для формирования «ситуационного “пограничного” языка».

Дорожкин А.М., Шибаршина С.В.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- Теория динамики развития науки Томаса Куна. Нормальная наука, научная революция, парадигма.
- Возможен ли общий упрощенный язык в зонах обмена? «Пиджин-сайнс».
- Первые научные лаборатории в университетах и частном бизнесе: история возникновения.
- Междисциплинарные научные проекты: общий обзор и конкретные кейсы.
- Новые модели университетов: американская модель, предпринимательский университет, цифровой университет.

Тема 6. В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ МЫ ЖИВЕМ?

В настоящее время в социально-гуманитарных науках для описания действительности конца XX и начала XXI века наиболее часто используется такая теоретическая конструкция, как постиндустриализм, характеризующая период последствий произошедшей технологической революции и изменений экономической сферы. Постиндустриализм – общее название теорий, основанных на тезисах о том, что доиндустриальное общество базируется на взаимодействии человека с миром природы, в индустриальном обществе человек подчинил себе природу, а в основу постиндустриального общества положена коммуникация как основа взаимодействия человека и мира. Д. Белл определял новый этап социального развития как общество перехода от производства товаров к производству услуг: если в индустриальном обществе преобладала машинная технология, то постиндустриальное основано на интеллектуальных технологиях. Информация и знание становятся основой постиндустриализма¹.

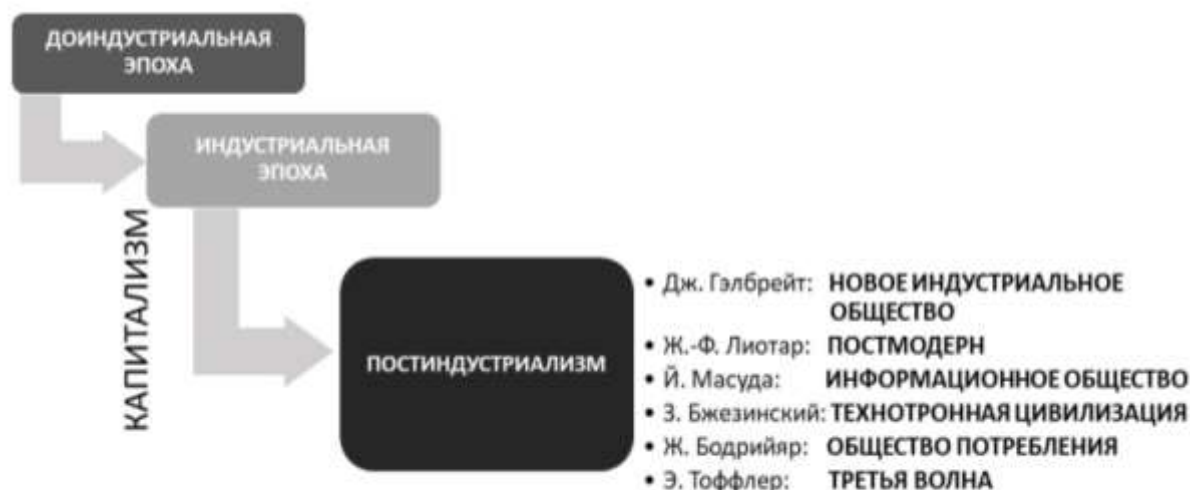
Понятие постиндустриальности носит временной характер и указывает на определенный отрезок истории человечества. Последнее обстоятельство не мешает исследователям очень широко интерпретировать специфику этого периода, отсюда и множество концепций, объединенных общим названием «постиндустриализм»: Дж. Гэлбрейт называет такое общество «новым индустриальным обществом», Ж.-Ф. Лиотар – «постмодерном», Й. Масуда – «информационным обществом», З. Бжезинский – «технотронной цивилизацией», Ж. Бодрийяр – «обществом потребления», Э. Тоффлер – «третьей волной».

Большинство теоретиков постиндустриализма обозначают информацию как значимую в нем силу, что дает полное основание называть общество постиндустриализма информационным. «Нам говорят, что мы входим в информационную эру, что мы живем в “электронном обществе” и подходим к “виртуальной экономике”, движущей силой которой стала информация, что мы уже существуем в условиях “глобальной информационной экономики”»².

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. С. 158.

² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 5.

С начала 1950-х годов начинаются научные рассуждения об обществе, основанном на работе с информацией. Основоположниками теории информационного общества считают американских ученых К. Шеннона, Н. Винера, Дж. фон Неймана, А. Тьюринга, а также советских математиков школы академика Колмогорова. Философское обоснование идеи возникновения общества информации принадлежит, наряду с Й. Масудой, большой плеяде ученых: сторонникам «гибкой специализации» (М. Пайор и Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн), теоретикам постиндустриализма (Д. Белл и его последователи, включая технологических детерминистов Э. Тоффлера, С. Нора и А. Минка, Ж. Эллюля), информационного способа развития (М. Кастельс)¹.

Ю. Хаяши изобрел собственно сам термин «информационное общество», а в научный оборот его ввели в начале 1960-х годов Ф. Махлуп² и Т. Умесао – ученые, ставшие известными благодаря исследованиям динамики развития наукоемких производств.

За что критикуют информационное общество?

Категорические сомнения в оправданности преувеличения значения информации в развитии социальных систем высказывались уже в самый пик моды на этот феномен. Так появились теории, рассматривающие информатизацию как новую деятельность на основе уже существующих социальных отношений. К ним можно причислить теоретиков неомарксизма (Г. Шиллер), гибкой аккумуляции (Д. Харви), рефлексивной модернизации

¹ Информационное общество: сб. / Составитель А. Лактионов. М.: АСТ, 2004; Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. Вып. 1. С. 494; Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000; Узбестер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

² Machlup F. The production and distribution of knowledge in The United States. Princeton, 1962.

(Э. Гидденс) и публичной сферы (Ю. Хабермас, Н. Гарнэм), регуляционной теории (М. Альетта, А. Липиц), а также критика идеологии информационного общества Ф. Уэбстера. Между ними и сторонниками информационного способа развития образовался настоящий раскол.

В ситуации критики информатизации обрели силу и популярность теории, обозначающие в качестве основного общественного принципа потребление – «общество потребления» (Дж. Катон, Э. Фромм, В. Райх, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари и др.). Большинство приверженцев этих теорий признают информационный характер современного общества, но определяют в качестве социального вектора развития информационное, символическое потребление.

В большинстве теорий информационного общества феномен информации представлен, с философской точки зрения, достаточно туманным и требующим более глубокого философского анализа. В теоретизировании «информационного общества» существует неустойчивость и спекулятивность этимологии этого понятия. Основываясь на рассуждениях Г.Д. Левина о судьбе философских категорий¹, логично предположить, что термин «информация» есть продукт своеобразного «терминологического творчества», которое лишь прикрывает собой уже существующие философские категории – «предельные продукты обобщения». Термин «информация» (как, собственно, и порожденное им позже понятие «информационное общество») возник как попытка установить связь между философскими и конкретно-научными категориями, что, по сути, лишь привело к чрезмерной путанице (как гносеологической, так и вполне обыденной).

В классической трактовке информационного общества информация соотносилась с понятием «знание». Под «информацией-знанием» понимался в первую очередь научно-технический прогресс, связанный с развитием компьютерных технологий. Эволюция информационного общества трактовалась как последовательность информационных (научно-технических) революций, представляющих собой этапы развития научного знания, следствием чего стало бурное развитие технологий; в перспективе появление совершенно нового типа общества, основанного на главенстве знания и науки во всех сферах жизнедеятельности. Классификация информационных революций предполагает следующие этапы: первая информационная революция случилась как результат изобретения письменности, вторая увязана с появлением книгопечатания, третья обусловлена изобретением телефона, радио, телевидения, четвертая информационная революция – это появление ЭВМ².

---

¹ Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. С. 11–12.

² Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–39.

Д. Белл в своей теории определяющее значение в развитии постиндустриального общества отводил теоретическому знанию, поскольку основной производительной силой считал науку, а центральной фигурой в обществе – ученого. Знание и информацию исследователь считает «стратегическим ресурсом» и формулирует информационную теорию стоимости, когда «знание, а не труд выступает источником стоимости»¹. «Новое» общество Д. Беллу видится в том, что новый класс (технократия), обладающий развитой «интеллектуальной технологией», получит власть и экономическое могущество. Однако фактически идея постиндустриального общества отождествлялась им с развитием технологии.

М. Постер критикует Белла за то, что он определяет информацию через экономический подход, не придавая значения культуре, поскольку нельзя распространять рыночные отношения на информационную сферу. Правовая система, защищающая частную собственность, сама по себе разрушается скоростью, с которой воспроизводится и передается информация².

Й. Масуда основное место отводил технологиям и развитию научного знания. По его мнению, именно информационные технологии создают предпосылки для колоссальных изменений в жизни общества, под влиянием которых материальное производство все больше будет сокращаться³.

В связи с возрастанием коммуникативной значимости информации, которую предсказывал Й. Масуда, в фокусе внимания оказываются теории, рассматривающие развитие информационного общества с позиций виртуализации как особого пространства информационной коммуникативности.

Сторонники концепции «виртуального общества» (М. Вэйнстейн, А. Бюль, М. Паэтау, А. Крокер) говорят о том, что развитие технологий виртуальной реальности в конце XX века означает важный шаг на пути к «новому» информационному обществу – обществу виртуальной реальности. Виртуальным является «общество, в котором производство, распределение и коммуникация в значительной степени происходят в виртуальных пространствах, в киберпространстве»⁴, то есть социальные взаимодействия в таком обществе напрямую связаны с компьютерной системой. Символический характер отношений в виртуальном обществе сближает его концепцию с теориями «символического потребления» (Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Лиотара, Дж. Катона и др.).

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Указ. соч. С. 168.

² Poster M. The mode of information: poststructuralism and social context. Polity Press, 1990.

³ Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: World Future Soc., 1983.

⁴ Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen, 1997. S. 11.

Критический анализ теорий виртуального общества демонстрирует целый ряд его недостатков. Первый из них состоит в том, что виртуализация общества рассматривается как переход к новому этапу капитализма, когда другие структуры индустриального общества исчезают по мере внедрения компьютерных технологий.

Второй аспект заключается в рассмотрении виртуальности большинством сторонников виртуальной концепции как альтернативного существования социума в других измерениях, как симуляцию компьютером физической реальности: основные общественные практики (труд, производство, общение) перенесены в искусственное, виртуальное или киберпространство. Д.В. Иванов отмечает, что такой перенос социальных процессов делает их неполноценными аналогами реального социального взаимодействия¹.

Третья проблема данных теорий состоит в рассмотрении виртуализации в качестве «параллельной реальности». Разделение реальной и информационной действительностей в концепциях виртуального общества является их главным недостатком, тогда как реальная жизнь демонстрирует совершенно иные процессы.

Э. Тоффлер предложил новаторский для своего времени «системный подход» к информации, представив ее в качестве потоков, волн: «Наш подход будет состоять в рассмотрении потоков перемен, потрясающих нашу жизнь, не просто потому, что каждый из этих потоков важен сам по себе, а потому, что эти потоки перемен сливаются и образуют еще большие, более глубокие, более быстрые реки перемен, которые, в свою очередь, сливаются в нечто еще большее: в “третью волну”»². В истории человечества им выделяются три периода, развитие которых подчинено научно-техническому прогрессу: «первая волна» – доиндустриальные культуры; «вторая волна» – индустриальные культуры, которые отличаются от предыдущих экономической организацией; «третья волна» – супериндустриальные культуры, в основе которых лежат

¹ Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность. Указ. соч. С. 364–367.

² Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 224.

информационные технологии, которые характеризует объединение производства и потребления.

М. Кастельс наделяет «информационное» общество (как он называет этот этап развития в отличие от информационного) структурой сетевой логики. По М. Кастельсу, мы живем в сетевом обществе, сети различного уровня пронизывают нашу жизнь: экономические, информационные, культурные и т.д. Потоки информации являются отображением процессов, выраженных доминированием экономики, политики и символики в нашей жизни. Символическая коммуникация, технология генерирования и обработки информации и знаний теперь определяют производительность¹.

Обобщая теории информационного общества шестидесятых – восьмидесятых годов прошлого века, можно сформулировать их основные положения: информация приравнивается к знанию, и ей отводится главное место в качестве движущей силы эволюции; общество развивается по пути совершенствования технологий; наука определяет социальные процессы; университет возглавляет пирамиду социальных институтов; огромная скорость изменений, конец постоянства, быстротечность; символический характер потребления, который определяет сферу услуг как основную в экономике.

К сожалению, исследователи информационного общества вынуждены констатировать, что представления «классиков» теории (Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, П. Друкер, З. Бжезинский, Й. Масуда и др.) теперь нуждаются в пересмотре, поскольку такое общество не сложилось. По выражению Д.В. Иванова, оно является фантомом постиндустриальной эпохи, «еще одним призраком, обреченным бродить по Европе»². С одной стороны, прогнозы действительно сбылись, но не в полном объеме и не для всех регионов, как это представлялось исследователям. Университет не стал базовым институтом общества, а само общество не походит на программируемую систему институтов. На это обращает внимание Д.В. Базыкин, говоря о неоправданности ожиданий о главенствующем статусе науки: в реальностях современности наука остается в подчиненном положении по отношению к экономике и политике, хотя, несомненно, ее достижения оказали существенное влияние на общество³.

Можно предположить, что одной из причин этого явилось неверное отождествление знания и информации, причем под первыми понималось лишь научное знание. Тем не менее разница существует хотя бы в том, что всякое

---

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ–ВШЭ, 2000. С. 39.

² Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество. М.: АСТ, 2004. С. 356.

³ Базыкин Д.В. Роль науки в современном социуме и теория постиндустриального общества // Университетские исследования. Пермь: ПГУ, 2010. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/status-postindustrialnoy-teorii-v-sisteme-nauk-ob-obschestve>.

знание обладает содержанием, то есть информацией о том, что нечто есть. Информация позволяет субъекту узнавать или признавать что-либо. Современные потоки информации только констатируют, что нечто есть. Этим заняты информационные службы, они информируют нас о существовании каких-то фактов, событий. Знание в отличие от информации (то есть своего содержания) обладает еще некими свойствами, которые связаны с прагматикой: знание должно говорить мне о том, какой смысл имеет полученная информация; должно содержать сведения о том, как я могу воспользоваться этим знанием-информацией. Таким образом, знание – это сложный умозрительный комплекс, который не сводится только к информации, свидетельствующей об объекте знания («что это»), но имеет также и другие измерения: знание есть также знание о себе, то есть том, что знание значит для субъекта: каков смысл знания и как производительно использовать знание. В информации может отсутствовать этот смысловой и прагматический компонент.

Другую группу теорий можно объединить с позиций представления об информации как о средстве коммуникации. Информационное общество становится обществом коммуникативных процессов. Информационные потоки становятся одним из наиважнейших факторов социального поведения. В связи с этим стоит отметить одну очень важную особенность: информация в качестве содержательной стороны знания теряет свое значение, в фокусе оказывается процесс ее трансляции – коммуникация. Информация больше не является интеллектуальным продуктом, ее понимание теряет свою значимость. Основную роль приобретают коммуникации, превращающиеся в процесс потребления информации, а не способ приобретения знаний. Получение доступа к информации является самостоятельной, конечной целью, а не средством для каких-то дальнейших действий. Таким образом, утверждение Г. Маклюэна: «Средство и есть сообщение», – приобретает особый статус в сознании современного человека.

Подводя итоги, можно констатировать, что развитие информационных технологий привело к изменению взаимодействия человека и мира. Информация, носившая раньше специализированный характер знания и доступная ограниченному кругу лиц (благодаря хранению в библиотеках, институтах и т.п.), теперь становится общедоступным, неограниченным ресурсом. Этот фактор становится причиной формирования новой модели мира, существенной чертой которой является замаскированное доминирование экономических ценностей. Экономическая направленность развития информационных технологий обуславливает рассмотрение понятия информации сквозь призму экономических принципов, определяющих парадигму современного общества.

Информационное общество, при кажущейся символической «мозаичности» и хаотичности, обладает жесткой структурой, которая связана как с развитием технологий, требующих систематизации, так и приоритетностью рыночных принципов (реализация которых невозможна вне экономической рациональности) над всеми остальными.

Коммерциализация информационных ресурсов привела к перемещению сферы потребления товаров и услуг в информационное пространство, которое понимается как глобальное, не связанное с какой-то определенной территорией. Оно формируется на основе компьютерных процессов, спутниковой связи, включает в себя другие информационные ресурсы: базы и банки данных, все виды архивов, систему депозитариев государственных информационных ресурсов, информационно-телекоммуникационную инфраструктуру, систему массовой информации, рынок информационных технологий, средств связи, информатизации и телекоммуникаций, информационных продуктов и услуг – совокупность взаимодействующих информационных процессов и систем.

Асташова Н.Д.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- Виртуальное и реальное в жизни современного человека
- Наиболее значимые аспекты существования homo informaticus
- Значение вещи и вещественности в информационном обществе
- Доступность получения знания в цифровую эпоху
- Особенности экономических процессов в эпоху постиндустриализма

Тема 7. ИНТЕРНЕТ КАК «ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Для нового поколения, выросшего в эру информационных технологий, он естественный и привычный спутник жизни. В связи с тем, что информационные технологии играют определяющую роль во всех сферах жизни современного человека, можно констатировать, что человечество вступило в новый этап своего развития.

Охватывая сферы торговли, образования, услуг, связи, интернет порождает новые формы коммуникаций. Так информационные технологии вынуждают нас переосмыслить классические категории коммуникации. Традиционно коммуникация понимается как «процесс передачи и восприятия информации»¹. В основе классических схем коммуникации лежит алгоритм: адресант – информация – адресант. Являясь многомерным образованием, интернет добавляет в эту схему новые формы коммуникативного взаимодействия. Он предлагает множество форм коммуникации. Здесь уместно согласиться с делением интернет-коммуникаций, предложенным М. Моррисом:

- 1) асинхронная коммуникация «один на один» (электронные письма);
- 2) асинхронная коммуникация «многих с многими» (сводки, листы рассылок, где требуется согласие для входа в программы, обладающие информацией по конкретным темам);
- 3) синхронная коммуникация «один на один», «один и несколько», «один с несколькими» (обсуждение конкретной темы, игры, чаты);
- 4) асинхронная коммуникация «многие и один», «один на один», «один и многие» (поиск сайта для получения определенной информации)².

Именно во вторичной репрезентации информации, оторванной от исходной предметности и заложен потенциал появления виртуальных сфер деятельности.

А. Бюль систематизировал представления о виртуальных сферах современного общества:

- человек «входит», погружается в созданное компьютером пространство, среду; это пространство обладает многомерными характеристиками;
- созданная компьютером реальность одновременно воспринимается многими пользователями адекватно ее воздействию;
- все события в ней происходят в условиях реального времени, без какой-либо отсрочки, человек может реально взаимодействовать с этой средой;

---

¹ Конечная. В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечная; Междунар. Ин-т бизнеса и управления. – М.: МИБиУ, 1997. С. 8–9

² Morris M., Ogan C. The Internet as Mass Medium // Journal of Communication. 1996, Vol. 46. № 1. p. 42

– в виртуальных пространствах можно передвигаться и совершать различные действия;

– в виртуальной реальности пользователь может коммуницировать, решать совместные задачи и добиваться понимания с другими пользователями;

– виртуальная реальность создается с целью возникновения у пользователя эффекта реальности¹.

В отечественной науке разработкой «виртуальной реальности» занимается группа Н.А. Носова при Академии наук РФ, членами которой был подготовлен и представлен «Манифест виртуалистики»², провозглашающий ее в качестве одной из новых мировоззренческих систем, в основе которой лежит постулат о том, что «мир виртуален». В. Руднев дает обоснование этому, утверждая, что действительный мир «сливается с виртуальными реальностями человеческих сознаний и придуманными этими сознаниями дискурсами (от идеологии до религии, понимаемой как языковая игра)»³. Уже сейчас мы наблюдаем процесс, когда виртуальное, перемешавшееся с реальным, стало частью материального мира.

В связи с этим целый ряд авторов, таких как Дж. Перрол⁴, М. Постер⁵, П. Вирилио⁶, утверждают, что виртуальные пространства интернета становятся новой «публичной сферой общества».

Термин «публичная сфера» предложен Ю. Хабермасом, он предполагает «коммуникативную рациональность», то есть стремление найти взаимопонимание и согласие⁷. И действительно, интернет как идеальная площадка для коммуникаций (социальные сети, форумы, чаты) вскрывает всю противоречивость мнений и индивидуальных представлений, существующих в социуме, в которой разворачивается дискуссия и индивиды имеют возможность свободно выражать свое мнение. В связи с чем некоторые авторы⁸ склонны обозначать новую форму коммуникации в виртуальном пространстве как новую форму общественной жизни.

---

¹ Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: Sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden, 2000. S. 120.

² Носов Н.А. Манифест виртуалистики // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 15. М.: Путь, 2001. 17 с.

³ Руднев В. Прочь от реальности. М.: Аграф, 2000. С. 80.

⁴ Perrolle J. Conversations and Trust in Computer Interfaces // C. Dunlop, R. Klind (eds.) Computerization and Controversy. N.Y.: Academic Press, 1993.

⁵ Poster M. CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere // In: Hartley J., Pearson R.E. (eds.) American Cultural Studies: A Reader, Oxford Univ. Press, 2000.

⁶ Virilio P. Rasender Stillstand, München: Hanser, 1992.

⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. С.12.

⁸ Rheingold H. The virtual community: Homes steading on the electronic frontier. Reading, MA: Addison Wesley, 1993.

Интернет-технологии способствуют распространению и переработке такой противоречивой, можно сказать, капризной субстанции как информация. Однако воздействие этих технологий на общество оказывается абсолютно неоднозначным, и «публичная сфера» интернета далеко не всегда способствует достижению взаимопонимания и согласия, то есть «коммуникативной рациональности» по Ю. Хабермасу.

Информация, будучи «нематериальной» структурой, обладает крайней изменчивостью и пластичностью во времени и пространстве, что делает ее более легкой в обращении, чем реальные объекты. Благодаря символической функции информации человек в интернет-пространстве распоряжается вещами, не обладая ими, совершает какие-то действия, не предпринимая никаких усилий, как бы «понарошку», «не в серьез». Иллюзорное действие в интернете часто мало осознано или не осознано совсем, индивиду трудно осознать последствия, поскольку он играет, имитирует реальное. Размываются границы приватного и публичного – это несет само по себе большой риск для безопасности личности, ее право на частную жизнь нарушается. В такой ситуации «публичная сфера» интернета явно не способствует достижению взаимопонимания в обществе.

В своих рассуждениях М. Кастельс отстаивает тезис о «виртуальности реальности»: «реальность всегда была виртуальной – она переживается через символы, которые всегда наделяли практику некоторым значением»¹. Спецификой же нашего времени становится то, что отдельные личности не только отражают и интерпретируют реальность через символы, но и конструируют ее по своим законам, используя возможности информационных технологий. Например, характерной особенностью социальных сетей стало то, что пользователи создают собственный образ только на основе фантазий, без апелляции к своим физическим параметрам, получая тем самым иллюзию признания окружающих. Полноту понимания этого феномена дает субъективный идеализм и его основной тезис «мир – это сумма ощущений и представлений субъекта». Интернет-пространство, в котором как «публичной сфере» человек может выразить себя без каких-либо ограничений со стороны материального мира, наглядно демонстрирует действие этого утверждения. «Публичная сфера» интернета так же реальная для современного человека, как и материальная реальность, более того, связь с первичной, физической реальностью в информационных пространствах часто полностью утрачена.

Таким образом, виртуальная «публичная сфера» – это не только отображение «реальной реальности», но и способ построения альтернативных

---

¹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура / М. Кастельс. – М.: АСТ, 2000. С. 351

реальностей. Анализ виртуальных «публичных сфер» дает возможность уяснить саму суть современного общества, в котором все явления воспринимаются сквозь призму коммуникаций в интернете. Как совершенно справедливо отмечает В.М. Маслов, «современная информационная реальность претендует быть не менее значимой, чем обычная, реальная реальность»¹. В этом контексте фраза «если тебя нет в интернете, тебя совсем нет» перестает восприниматься как сарказм. Интернет-коммуникация становится более реальной, чем живое общение для сознания индивида.

В такой ситуации вопрос о достоверности информации в «публичных сферах» интернета полностью снимается: истинно все, что представлено. Такому положению в немалой степени способствуют ограничения на доступ к фактически значимой информации, соотнесенной каким-то образом с реалиями материального мира. В современных условиях создаются довольно сложные технические системы, ограничивающие доступ к определенным категориям информации. Здесь можно говорить об ограничении свободы знания в пространстве интернета в силу различных интересов в разных аспектах жизни общества. Выступающий в «публичной сфере» вынужден оперировать либо собственными фантазиями, либо опираться на чужое мнение, опосредованно используя знания по какому-то вопросу, без возможности проверить их достоверность. Поэтому для «публичной сферы» интернета наиболее характерен обмен мнениями, нежели знаниями по определенному вопросу. В интернете люди часто идут на большой риск, высказывая спорные суждения, часто противоречащие общепринятым нормам, там они не испытывают страха отвержения или осуждения, с которым неизбежно столкновение в реальной жизни, поскольку идентичность оратора часто замаскирована. Так же очень часто активность в интернете никак не связана с активностью в реальной общественной жизни, и выражение себя в «публичной сфере» интернета вряд ли можно назвать социальным.

Не секрет, что такие «публичные» выступления в интернете способны нарушать традиционные пропорции экономического и политического развития общества. Они порождают целый ряд проблем и в других сферах общества, вызывая серьезные опасения у специалистов.

Анализ общения в сети демонстрирует противоречивость «публичной сферы» интернета, как особой структуры общества. С одной стороны, неограниченные возможности для самовыражения в интернете, легкость и быстрота в установлении контактов и налаживании связей в различных точках

---

¹ Маслов В.М. Коммуникация в эпоху информации // Актуальные проблемы социальной коммуникации материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. 2012. С. 322

планеты, территориальные, культурные, языковые препятствия сводятся на нет через интернет-коммуникацию.

С другой, интернет-общение приводит к ограничению социального взаимодействия, вплоть до одиночества, развития депрессивных ситуаций, всевозможных психических расстройств, формирования неадекватной социальной перцепции и пр. Общение, опосредованное машинным взаимодействием, нельзя никак соотнести с «живым»: общаясь через компьютер человек не испытывает чувства эмоционального удовлетворения от акта взаимодействия с другим человеком. Все чаще общение с реальным человеком (хоть и по другую сторону сети) заменяется общением человека с программой, создающей иллюзию реальной коммуникации.

Асташова Н.Д.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- Виртуальная, дополненная и смешанная реальность: суть понятий и история развития
- Интернет вещей: как изменится наша жизнь на очередном этапе развития Сети
- Психологические, социальные и культурные риски погружения в виртуальную реальность
- Проблема публичного и приватного в виртуальной реальности Интернета
- Этические проблемы в сфере информационных технологий

Тема 8. ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Направления этических исследований

Реальность показала, что последствия технического прогресса могут быть весьма негативными как для отдельного человека, так и для общества в целом, поэтому одна из основных проблем современной философии – это оценка техники и выработка в этой связи норм, регулирующих границы вмешательства технологий на жизнь человека. В современном научном мире происходит процесс сращивания фундаментальных и прикладных задач, поэтому в оценке понятий техники и технологий они рассматриваются как единый технологический процесс.

Начиная с прошлого века, происходит критическое осознание технологических процессов, которое не может существовать вне принципов морали. В соответствии с этими принципами технические проекты должны быть безопасны для человека, соответствовать принципам гуманизма, быть полезными и разумными, иметь временные границы применения. Соответственно, к принимающему технические решения выдвигаются требования осмотрительности, осторожности, способности прогнозировать будущие действия.

В оценке феномена технологий существует множество подходов, рассмотрим некоторые из них:

«Инструментальное» видение развития технологий заключается в том, что техника и технология есть средства человеческой деятельности, через которые индивид способен максимизировать свои способности как физические, так и интеллектуальные.

«Натуралистический» подход рассматривает технологии как форму компенсации эволюционных недостатков человека.

«Волевая» интерпретация технологий, рассматривает их как инструмент власти. Техника и технологии используются господствующими элитами в политических и идеологических целях.

«Рационалистический» подход видит технологии в качестве сознательно регулируемой деятельности человека. В рамках этих концепций этого направления рациональность рассматривается как высший тип организации технической деятельности и в случае ее дополнения гуманистическими составляющими отождествляется с целесообразностью и планомерностью.

Внесение в научно-рациональное видение технологий и техники гуманистических составляющих привело к развитию *этических аспектов*

технической деятельности, среди которых можно круг проблем, с которым сталкиваются разработчики техники в своей деятельности.

– Первый сегмент проблем связан ситуацией, когда общество не готово к технологии, боится либо опасается её.

– Второй касается законодательства и государственного регулирования вообще. Речь идет о ситуации, когда технологии мешает прямой или косвенный законодательный запрет.

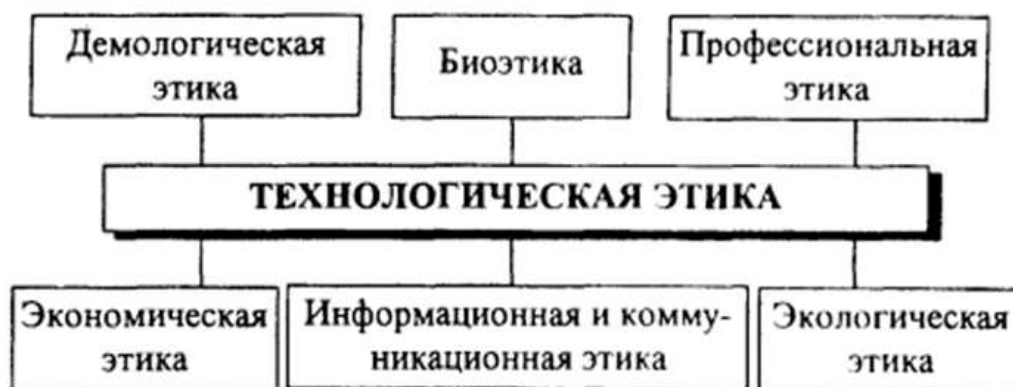
– Третий сегмент проблем содержит в себе дискуссии и противоположность мнений, когда технология на некотором этапе развития может оказать негативное влияние на общество.

Рассмотренные выше моменты (аспекты) сводятся к *императиву*, относящемуся ко многим областям человеческой деятельности, в том числе и к технической деятельности, он звучит так: *человек может сделать больше, чем он имеет на то право*. В этой связи и возникает потребность в особой этике, ориентированной на технологическую деятельность человека.

Предмет техноэтики относительно недавно появился в науке, в данный момент происходит активное становление, разработка концепций и теорий. Поэтому можно встретить различные трактовки «техноэтики», которые, тем не менее, объединяются рассуждениями о влиянии технологий на человека и общество. Таким образом, *технологическую этику (техноэтику)* можно обозначить, как вариант прикладной этики, занимающийся изучением проблем взаимодействия технологий и человека, технологий и общества, а также концептуализацией норм и принципов этического партнерства, которым должны соответствовать создаваемые технологические системы (техносистемы).

Область исследований в данной области философии находится на стыке нескольких областей: самих технологий, философии, психологии, социологии, юриспруденции.

Техноэтику можно условно подразделить на следующие области:

Биоэтика занимается проблемами возможных негативных последствий развития биотехнологий. Главный вопрос, на который она пытается ответить: имеем ли мы право применять на практике все наши знания о природе живых существ? Подразделы биоэтики: медицинская этика (этичность применения некоторых видов лечения) и нейроэтика (вопросы исследования мозга).

Бурное развитие информационных технологий (СМИ) и их вмешательство в личную жизнь граждан, манипуляции поведением и сознанием с их помощью вызывали к жизни *информационно-коммуникативную этику*.

Влиянием экономических технологий на культурные процессы в обществе занимается *экономическая этика*.

Проблемам экологии уделяется внимание в разделе *экологической этики*.

Профессиональная этика определяет нормы поведения необходимые для различных видов профессиональной деятельности: научная, правовая, предпринимательская, художественная и т. д. В условия конкуренции на рынке труда крайне важно определить этические стандарты для каждой профессии.

Увеличение численности населения, продолжительность жизни приводят к пересмотру параметров социальной ответственности в отношении к различным поколениям граждан. *Демологическая этика*, занимающаяся этими вопросами, становится ведущей областью исследования проблем морали общества.

Лаборатория человеческого тела

Развитие медицины и биотехнологий в XXI веке коренным образом изменило отношение человека к его телу. Никогда еще медицинские манипуляции с живым человеком не были настолько публичны, а интимные аспекты существования его тела не привлекали столько внимания. В современном мире получает широкое распространение то, что еще недавно казалось бесчеловечным: общественной нормой становится обмен кровью и органами, в человеческое тело вживляются различные конструкции, программируется развитие жизни. Человек настолько дополнен различными «усовершенствованиями», что для него встает вопрос: чье это тело?

Научные технологии активно меняют наше представление о теле, которое начинает пониматься как некий механизм. Хотя сама идея не нова и была высказана еще Р. Декартом: «Я предполагаю, что тело есть не что иное, как некая статуя или машина...»¹, в двадцатом веке она получает свое развитие в трудах Дж. Хаксли, который определяет человека как инструмент, орудие эволюционного развития на Земле². Такое представление о человеке как о

---

¹ Декарт Р. Человек. М.: Праксис, 2012. С. 6.

² Huxley J. Man's place and role in Nature // New bottles for new wine, essays by Julian Huxley. London: Chatto & Windus, 1957a. Pp. 41–60.

средстве, допускает возможность агрессивного вмешательства в его природу, достраивание и переделывание его тела. В XXI веке С. Фуллер развивает эти идеи, высказывая собственное обоснование агрессивного вмешательства в природу человека: если следовать концепции Дарвина и рассматривать человека как высокоразвитое животное, то он обладает такой же ценностью, как и любое другое животное, соответственно, обращаясь с ним как с животным наука не имеет никаких ограничений¹. И действительно, в современном мире мы сталкиваемся с ситуацией, когда применение приборов, замещающих полностью или частично органы тела (искусственное сердце, почка, аппарат искусственного дыхания и т.д.) воспринимается как абсолютная норма.

Практика применения технологий в отношении человеческого тела послужила причиной введения в научный обиход понятия «постчеловек», который понимается как «улучшенный», более социально адаптированный вариант «природного» тела человека – это идеальный солдат, работник, спортсмен, показывающий запредельный для обычного человека уровень физических и интеллектуальных возможностей.

На современном этапе развития науки профессия врача все больше приближается к инженерным специальностям: он чинит сломанный организм как некий автомат. Медик предстает перед общественностью как эксперт по человеческому телу, заменяя, достраивая его сообразно своим представлениям об его «улучшении».

Несмотря на то, что одни ругают медиков за вмешательство в естественное развитие человеческого организма, другие восхищаются возможностями современной науки в борьбе со страшными заболеваниями – в целом, можно констатировать, что механизация человеческого тела получила негласное одобрение общества. Наука получила безграничные возможности оказывать влияние на человеческое существо: трансплантация органов, искусственное оплодотворение, замораживание и пересадка эмбриона, различные имплантации инородных тел – все эти манипуляции с человеческим телом имеют слишком серьезные последствия, чтобы не подвинуть этические ориентиры общества, пересмотреть культурную традицию морали. Став инженером своего тела человек столкнулся с этическими последствиями своего «творчества»: тело стало видом научной лаборатории, в которой не прекращаются опыты над человеческой природой.

Пример манипуляций с этапами развития человеческого эмбриона показывает насколько организм приблизился по сути к лабораторной пробирке,

---

¹ Fuller S. *Humanity 2.0: what it means to be human past, present and future*. Ba-singstoke (UK), Palgrave Macmillan, 2011. 280 p.

превратившись в «полый сосуд», наполняемый любым содержимым, и совсем не в метафорическом смысле, а вполне физиологически. Всеобщее воодушевление с появлением возможности вмешательства в зарождение и передачу жизни человека сменяется беспокойством о будущем человека. Факт искусственного оплодотворения в пробирке перевернул наши этические ценности и социальные установки. Биоэтика стала определяющей для социальных и личностных отношений. В этой связи имеет смысл обозначить круг этических проблем, с которыми столкнулось современное сообщество.

Первое, жизнь уподобили капиталу: ее можно положить в банк и взять, когда в ней возникает потребность. Речь идет о технологии замораживания спермы и эмбрионов. Появление нового человека перестало быть аспектом судьбы, а превратилось в вопросы технологий и вложения денег. Факт чуда рождения ребенка в семье превратился в рационально планируемое технологическое мероприятие. Благодаря искусственному оплодотворению и суррогатному материнству рождение человека перестало зависеть от биологической способности мужчины и женщины зачать и выносить ребенка. Поставлена прямая зависимость рождения человека от наличия денег у его родителей на дорогостоящие медицинские манипуляции.

Данная ситуация влечет вопросы статуса человеческого эмбриона. С одной стороны, он превратился в предмет покупки и продажи, то есть такой же товар, как и многие другие на рынке капитализма. С другой, целый ряд европейских стран законодательно запретили экстракорпоральные эксперименты с человеческим зародышем, то есть признают права этих живых существ как людей. Вывод напрашивается сам: такая двусмысленность положения эмбриона подводит нас к страшной грани обесценивания человеческой жизни.

Второе, тайна рождения теперь выставлена напоказ. Средства массовой информации сделали шоу из интимно-личностных моментов появления человека, начиная от момента зачатия до демонстрации родов. Врачи становятся некими шоуменами, агрессивно вмешивающимися в переживания супружеской пары, связанные с появлением потомства. Медицинские приборы демонстрируют внутреннюю жизнь тела для всех желающих.

Последствия такой «открытости» описаны А.М. Мулен, когда в американские суды стали поступать иски от детей-инвалидов, требующих компенсации от родителей, которые, по их мнению, должны были сделать аборт, узнав о врожденных уродствах плода, а не обрекать их на несчастное существование в теле с физическими дефектами¹.

---

¹ Мулен А.М. Тело с точки зрения медицины // История тела: В 3 т. Т. 3: Перемена взгляда: XX век. М.: Новое литературное обозрение, 2016. с. 57

Так, акцент человеческого существования переместился на физиологические проявления тела, его ощущения, которые стали важнее душевных переживаний, эмоций, то есть всего того, что делает жизнь красочной и неповторимой.

Третий момент связан тем, что активные генетические манипуляции с экстракорпоральным оплодотворением влекут за собой нарушение понятия родства. Родство – это синтетический природно-культурный феномен, который нельзя свести только к биологии (генетике), где определяющим является принцип «похожести», или только культуре, определяющей поведение и образ мыслей человека. Через биологическую сопричастность к родовой группе человек осознает свою социально-культурную идентичность.

Однако медицинские технологии искусственного оплодотворения, донорства клеток, суррогатного материнства отодвигают значимость биологической связи с родственниками на задний план. Акцентируется внимание прежде всего на добровольном родстве, где связи с родственниками устанавливаются через систему воспитания, а не биологическую похожесть. Тем не менее, социологические исследования указывают на то, что современный человек еще не преодолел барьер, когда родственные связи могут пониматься исключительно как социально-культурные. Ж. Коста-Ласку описывает ситуации, в которых бесплодные пары, ставшие родителями благодаря медицинским технологиям, озабочены созданием видимости биологического родства с ребенком: скрывают от окружающих факт бесплодия, просят подобрать донора этнически похожего на одного из родителей, а в случае непохожести рожденного через искусственного оплодотворение ребенка не редки случаи отказа от новорожденного¹.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что современной культуре с ее технологиями не получается нивелировать стремление человека продолжить себя как биологический вид. В этом аспекте тело остается носителем генетических признаков идентичности личности, которая определяет себя в мире, в том числе, и по родовым признакам. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда наука, решая проблему бесплодия, нарушает баланс биологического и культурного в определении родства, как важного компонента идентификации личности в обществе.

Четвертым и очень важным последствием развития биомедицины становится смещение гендерных² ролей. Изобретение гормональной

---

¹ Коста-Ласку Ж. Репродукция и биоэтика // История женщин на Западе: в 5 т. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии. СПб.: Але-тейя, 2015. с. 601

² Понятие «гендер», впервые использованное Р. Столером, обозначает культурные характеристики мужского и женского, в отличие от понятия «пол», обозначающего биологическую принадлежность.

контрацепции и экстракорпорального оплодотворения снизило значимость мужчины как участника процесса продолжения рода. На современном этапе развития науки вопросы репродукции решаются между врачом и женщиной, мужчина стал второстепенным персонажем. Такое положение дел существенно меняет представления о роли женщины и представления о материнстве. Многообразии функций, которые могут осуществлять женщины в процессе рождения новой жизни, их социальная активность позволяет говорить о том, что женщина начинает занимать лидирующие позиции в обществе.

Таким образом, можно прийти к выводам о том, что бурное развитие сферы применения медицинских технологий означает расширение границ лаборатории до размеров целого общества. В этой новой системе отношения строятся на взаимодействиях тела и технологий, фактор души, которая подобно капитану управляет телом (по Декарту), не принимается во внимание – единство души и тела разрушается. Тело, превращенное в лабораторию для технологических экспериментов, перестает бытьместилищем внутреннего мира человека. Такая ситуация стала возможной в силу отсутствия жестких этических стандартов применения технологии в отношении человека. В современном, подверженном глобализации мире в силу мульти-культурности достаточно сложно определить единые критерии морали, соответственно, законодательно закрепить границы вмешательства технологий в природу человека – это ставит вопросы о будущем существования человека в рамках его естественного тела. Однако пристальное общественное внимание к проблемам антропологии и биоэтики дает надежду на то, что решение все же будет найдено.

Этические вопросы развития робототехники

В последние годы все чаще в средствах массовой информации мелькают факты, связанные с бурным развитием роботостроения. Роботы потеснили людей во многих сферах деятельности: они встречаются нас в гостиницах¹, патрулируют улицы², играют в футбол³, раздают напитки в самолете⁴, помогают в больницах⁵ и т.д. Наконец, роботы готовы помочь нам справиться с нашим одиночеством: японские компании приступили к выпуску роботов-компаньонов, способных не только поддерживать беседу и играть в шахматы, но и спать с нами в качестве сексуальных партнеров⁶. Создается впечатление, что роботы

---

¹ Робот-портье. URL: <http://hennahteltokyoginza.book.direct/en-gb/>

² Робот-полицейский. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cMtMk21FZUM>

³ Робот-футболист. URL: <http://www.robocup.org/>

⁴ Робот-стюарт. URL: <http://imaginactive.org/2018/02/isakwa/>

⁵ Робот-санитар. URL: <http://www.robocup.org/>

⁶ Робот-компаньон. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-5545671/8-000-Henry-robot-cracks-jokes-boasts-superhuman-sexual-performance.html> ; <https://versiya.info/texno/39952>

вплотную подобраться к тому, чтобы заменить собой людей, что не может оставить нас равнодушными к этой проблеме.

Давайте попробуем более подробно разобраться, какие процессы стоят за очевидным сближением машины и человека. На протяжении XX века в философии параллельно развивались на первый взгляд не связанные друг с другом направления: первое связано с мыслью об отчуждении человека от своего бытия; второе направлено на осмысление роли и места техники в жизни человека.

Понятие «отчуждения» присутствует практически во всех современных философских концепциях и понимается в самых общих чертах как разрыв связи субъекта с одной из его функций, это ведет к изменению природы самого субъекта, превращению отчужденной функции в нечто иное. В философии XX века уделяется много внимания утрате человеком гуманистической природы, наиболее ярко эта тенденция проявилась в философии экзистенциализма. В этой связи имеет смысл сделать акцент именно на экзистенциальное понимание отчуждения.

Экзистенциализм понимает отчуждение как нечто неотделимое от человеческого существования. Оно проявляется в противостоянии сознания индивида с миром, во встрече «бытия-для-себя» с «другим» (по Ж.-П. Сартру). Мир, несмотря на то, что является условием существования человека, представляется как враждебный человеку, в нем он бесконечно одинок. Даже в любви невозможно полное сближение, поскольку «другой» стремится использовать меня для удовлетворения своих желаний, превращая в вещь¹. Камю² полагает, что отчуждение изначальное качество человеческого существования, благодаря ему человек обречен на лишенную всякого смысла, иллюзорную жизнь. Человек желает разумности в неразумном мире, но единственное, что объединяет человека и мир – это абсурд.

Сторонники антисциентизма (В. Виндельбанд, Г. Риккет, П. Фейерабенд, Хайдеггер, Г. Маркузе, М. Полани, Э. Фромм и др.) считают, что развитие понятия отчуждения связано с развитием техники. Принятие рационалистических установок, которые неразрывно связаны с техникой, заставляет современного человека жить сообразно «научной картине мира», а не в соответствии с принципами гуманизма, что и становится причиной тотального отчуждения по мнению антисциентистов. Так, Э. Фромм пишет об утрате человеческого смысла в отношениях людей, превращении их в манипуляции, где человек лишь средство. Личные отношения теперь это отношения двух вещей, в

---

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.

² Камю А. Посторонний // А. Камю. Сочинения. М., Прометей, 1989.

которых личность становится отчужденной от самой себя, и она мертва для этого мира, который принадлежит машинам и организациям¹. Г. Маркузе в своей концепции «одномерного человека» показал, что подавление индивидуального начала в человеке сводит его существование к технократическим параметрам². Человечество на протяжении долгого времени стремилось к развитию техники, но для него совершенно незамеченным остался процесс утраты человеческих качеств в человеке, теперь мы вынуждены лишь фиксировать этот факт. Современный человек гораздо больше доверяет технике, чем другому человеку.

Тему доверия технике в совершенно в ином ключе подхватывают течения философии техники, которые постулируют о человеке, активно творящем этот мир при помощи машин. Выбор именно этого пути развития обосновывается тезисом о том, что «человек есть животное техническое»³. А инструментальная концепция техники доказывает родство человеческого тела и технических изделий, созданных человеком: «Возникающее между орудиями и органами человека внутреннее отношение <...> заключается в том, что в орудии человек систематически воспроизводит себя самого»⁴. Конструктивистская эпистемология развивает эту мысль еще дальше, утверждая, что через конструирование мира человек творит самого себя, человек-конструктор и конструируемый им мир составляют неразделимую целостность. Х. фон Фостер объясняет эту ситуацию: мы отгорожены от мира нашим сознанием и не можем узнать, какой он в реальности, поэтому каждый раз изобретаем, конструируем нашу реальность. Поскольку реальность является результатом индивидуального сознания, то в этом смысле каждый из нас заперт его рамках и бесконечно одинок⁵. Таким образом, снимается противоречие между техникой и человеком, обозначенное антисциентистами.

Именно идеи непротиворечивости отношений техники и человека являются импульсом дальнейшего развития технологий. Н. Виг пишет: «технология стала играть центральную роль для нашего существования и образа жизни, и поэтому должна исследоваться как фундаментальная человеческая характеристика»⁶. Техническое развитие начинает рассматриваться как естественное, возникает сравнение мира машин с животным миром: «машину можно рассматривать как

---

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. с. 106–107.

² Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Refl-book, 1994.

³ Энгельемеер П. Философия техники // *Alma mater*. 1997. №3. с. 38

⁴ Kapp E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik* 1977. с. 44–45

⁵ Foersîer H. von, Pörksen B. B. *Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker*. 2. Auf. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998. s. 114–115.

⁶ Wig D.N. *Technology, Phylosophy and Politics* // *Technology and politics*. L., 1988. p. 10

организм, фигурально выражаясь – отдельное животное...»¹. В этой связи робот начинает пониматься не как машина с заданным алгоритмом действий, а сознающее, рефлекслирующее через материальное движение устройство². В своей книге «Кибернетика кибернетики» Х. фон Фостер пишет о том, что кибернетика служит самосовершенствованию наших познавательных способностей. В «кибернетике наблюдающих систем» он отстаивает необходимость включения в систему наблюдения не только наблюдаемого, то есть робота, но и наблюдателя, менеджера, руководящего процессом, с тем, чтобы человек осознал себя частью созданного им мира и осознал ответственность за свои изобретения³. Так, кибернетика становится своеобразным видением мира, в котором не только человек наблюдает машину, но и машина наблюдает человека.

Таким образом, складывается картина мира современного человека: отчужденный от гуманистического начала он создает при помощи машин искусственный, техногенный мир, который воспринимается им как нечто естественное, аналогичное природе. Бесконечно одинокий современник даже не пытается выстраивать сложные, отношения с Другими людьми, его пугает непредсказуемость, стихийность этих отношений, страх быть отвергнутым приводит его к идее создания человекоаморфной среды, в которой он активно взаимодействует «предсказуемыми» с машинами и роботами. Похоже, что увлеченный творческим конструированием мира при помощи машин, преодолевший одиночество и депрессию, связанную с экзистенциальным отчуждением, человек плохо осознает риски снова получить непредсказуемую, стихийную ситуацию потери контроля над действиями машин. Если ситуация взаимодействия с человеком-Другим имеет рамки в виде норм морали, социальных ограничений, культурных традиций и т.п., то в случае выбора в качестве Другого робота речи о каких-либо ограничениях просто не может быть, поскольку, несмотря на всю антропоморфность созданной человеком машины, это уже нечто Иное, чуждое человеческому. Выбирая в качестве компаньона машину человек встает перед лицом Иного саморефлексирующего разума, вне человеческих категорий.

Философия экзистенциализма, с ее осмыслением отчуждения человека от гуманистического начала, и философия техники, с ее попытками решить проблемы отчужденного человека через конструирование мира при помощи машин, по сути, составили один процесс, сделавший интеграцию машин в

---

¹ Кудрин Б.И. Технетика: Новая парадигма философии техники (третья научная картина мира). Томск, 1998. С. 26, 27

² Schreier C, Pfeifer R. The Embodied Cognitive Science Approach // Dynamics, Synergetics, Autonomous Agents. Singapore: World Scientific, 1999. p. 159–179.

³ Foerster H. von. Kybernetik Kybernetik. University of Illinois, Urbana. 1979.

человеческое сообщество мягким и незаметным для самого человека. Мы вынуждены констатировать, что в этой безудержной увлеченности машинами, человек потерял себя: он ведет себя как робот, человек сравнивает себя с вещью, вся его жизнь строится из многочисленных схем и алгоритмов. А вопрос древнегреческого философа Диогена «Ищу человека!» приобретает новую актуальность в контексте наводнения нашей жизни умными машинами. Наполнив свою жизнь различными механизмами, человек оттачивает до совершенства навыки взаимодействия с ними. Робот-нянька, робот-спортсмен, робот-сексуальный партнер, робот-пилот становятся лучшими друзьями нашего современника, при этом он испытывает огромные трудности в общении с другими людьми, боится живой, естественной коммуникации, он отгородился от мира людей экраном компьютера или телефона: умная машина стала посредником в диалоге человека и человека. Наш современник научился открыто высказывать свои мысли перед другими людьми, он прячется, словно преступник за безличностью аккаунта в социальной сети. «Эталонность» техногенного подхода к действительности становится вызовом законам человеческого существования. И если в контексте ситуации XX века мы говорим о превращении «человека разумного» в «человека играющего» (Й. Хейзинга) с действительностью, «творящего» мир при помощи механизмов, то XXI век – это век «человека кажущегося»¹, ставшего тенью самого себя, отчужденного от человеческого, предпочитающего другому человеку реальность, наполненную разумной техникой. И вот теперь, столкнувшись с массовой заменой человека роботом, машиной, мы испытываем страх перед неизвестностью возможных последствий, вынуждены снова осознать и снова искать решения надвигающихся проблем, связанных со стремительным развитием робототехники.

Асташова Н.Д.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- Каким образом будет осознать себя в мире «постчеловек», и сможет ли он остаться в рамках гуманистических ценностей
- Риски использования технологий, манипулирующих с телом и психикой человека
- Диалог с техникой: сейчас и в будущем

---

¹ Дахин А.В. Парниковый эффект – 2. Антропологический след рекламно-информационной мегамшины // Свободная мысль – XXI век. 2003. № 9.

- Вопросы экологии в использовании техники
- Этические качества инженера будущего

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К РАЗДЕЛАМ

Феномен современной науки

1. Назовите особенности научного знания.
2. Как в классической и современной науке соотносятся истина и ценность?
3. Сколько и какие уровни науки Вы можете назвать?
4. Существуют ли универсальные научные методы?
5. Каков социальный статус науки в современном обществе?
6. Дайте определение понятия «научной неопределенности».
7. Как понимается «неопределённость» в различных науках?
8. Опишите особенности познавательной ситуации в науке.
9. Назовите основные функции научной теории?
10. Как происходит развитие науки?

Спекулятивный реализм: истина и корреляция

1. Что обозначает К. Мейясу под термином корреляционизм?
2. Обозначьте корреляционистский круг и корреляционистскую двухходовку в традиции западной философии.
3. Что такое контингентность и инконтингентность.
4. Приведите пример фактичности.
5. Опишите первую четверицу М. Хайдеггера и дайте какие-либо примеры?
6. Как описывает М. Хайдеггер проблему вещи в одноименной работе «Вещь». Причины изменения первой четверицы на вторую четверицу?
7. Что из подхода М. Хайдеггера берет Г. Харман, а что отбрасывает?
8. Дайте определение инструмент-бытия и выделите характеристики, отличающие его от Dasein Хайдеггера?
9. Опишите типы отношений между объектами в онтологии Г. Хармана?
10. В чем именно объектно-ориентированная онтология Г. Хармана схожа с акторно-сетевой теорией Б. Латура, а в чем ей противостоит?

Современное прочтение проблемы рационального мышления

1. Как понимает рациональность классическая философия?
2. Дайте определение понятиям: рациональное, нерациональное, иррациональное.
3. Назовите основные системы классификации различных форм рациональности.

4. Каковы базовые принципы, на основе которых выстраивается все многообразие представлений о рациональности?
5. В чем существенное преимущество неклассических форм рациональности?
6. Назовите основные критерии неклассической рациональности,
7. Почему молчание более рационально, чем говорение? Приведите примеры.
8. Какие формы рационального действия обозначает современная философия?
9. Что определяет научную рациональность?
10. Какие социокультурные определения рациональности можно назвать?

«Зоны обмена» в науке

1. В чем заключается концепция зон обмена в науке П. Галисона?
2. В чем особенность современных научных взаимодействий?
3. Почему ситуацию «непонимания» можно обозначить как естественное состояние в науке?
4. Назовите примеры «зон обмена» в современных научных коммуникациях.
5. Каким образом идея «зоны обмена» решает проблемы, обозначенные аналитической философией?
6. Какие сферы жизни современного общества являются глобальными «зонами обмена»?
7. В чем заключается проблема «пограничного объекта»?
8. Возможен ли общий упрощенный язык в зонах обмена? «Пиджин-сайнс».
9. Какие модели университетов можно назвать?
10. В чем состоит проблема «пограничного объекта»?

Эволюция научной коммуникации. Риторика науки

1. В чем состоят основные отличия языка и мышления?
2. Как можно определить реально существующую знаковую систему, используемую реальным социумом?
3. Какой функцией связано свойство языка быть средством выражения и передачи содержания?
4. На какие составляющие можно разделить речевую деятельность?
5. Чем коммуникация отличается от других форм передачи информации?
6. Что отличает «речевую коммуникацию» от других форм взаимодействия индивидуумов?

7. Какое место в научных коммуникациях занимают «речевые игры»?
8. Существует ли определение истины?
9. Почему понятие «истины» относительно применительно к научному знанию?
10. Что входит в круг проблем философии языка?

Интернет как «публичное пространство»

1. Какие особенности сетевых взаимодействий вы можете назвать?
2. Дайте определение понятию «публичное пространство».
3. Почему интернет можно считать публичной площадкой?
4. Какие существенные недостатки имеет сетевое общение в интернете?
5. Является ли интернет семиотической системой и почему?
6. С какими проблемами сталкивается самовыражение личности в интернете?
7. Какое развитие в интернет-пространстве получает понятие свободы?
8. Можно ли считать полноценным коммуникативное действие в интернете?

В каком обществе мы живем?

1. Как вы понимаете тезис «общество – это процесс»?
2. Дайте определение понятию «постиндустриализм».
3. Почему информационное общество не стало обществом знания?
4. Какие понятия лежат в основе определения цифрового, информационного общества?
5. Какой процесс вы бы могли обозначить в качестве основной движущей силы и вектора развития современного общества?
6. Как можно понимать понятие «виртуальность» на современном этапе развития?
7. Назовите основные проблемы современного социального развития
8. Какой смысл вкладывает современная культура в понятия «я» и «мы»?
9. Какой вклад науки и технологий в развитие общества?
10. Что определяет поведение человека информационного общества?

Этические аспекты развития современных технологий

1. Какие принципы должен соблюдать человек, принимающий технологические решения?

2. В чем заключается «натуралистический», «идеологический», «волевой» подход к оценке технологий?
3. В чем связь «рационалистической» оценки технологий и научного мировоззрения?
4. Какие этические проблемы технологической деятельности вы можете назвать?
5. С чем связаны психологические, социологические, юридические аспекты вопросов, находящихся в поле техноэтики?
6. Почему можно говорить о том, что техноэтика находится на стыке областей знаний?
7. Какие подразделы биоэтики вы можете назвать?
8. Почему демологическую этику можно назвать ведущей областью исследования проблем морали?
9. Какие наиболее актуальные этические категории вы бы могли назвать для биомедицинских исследований?
10. В чем состоит практическая значимость профессиональной этики?

ТИПОВЫЕ ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Математика как наука: ее предмет, методы, понятия
- Философия и проблемы обоснования математики
- Математическая логика и ее парадоксы
- Методы науки и их роль в поиске истины
- Проблемная ситуация в науке и научная проблема: исходный пункт

исследования

- Гипотетико-дедуктивный метод познания
- Абдукция и поиск объяснительных гипотез
- Метод математической гипотезы и его применения в науке
- Методы анализа и построение гипотез
- Методы и функции научного объяснения
- Методы и функции понимания
- Метод предвидения и прогнозирования
- Проблема построения логической теории научного метода.
- Принцип фальсифицируемости как критерий демаркации между наукой и псевдонаукой (не-наукой).

- Проблема истины и теория правдоподобности К. Поппера
- Индуктивизм как одна из наиболее влиятельных методологий науки
- Конвенционализм о проблеме классификации наук и прогрессе науки.

Конвенционализм и инструментализм

- Методологический фальсификационизм
- Методология исследовательских программ
- Критическое сравнение методологических концепций
- Закономерности развития науки. Природа и характер научных революций
- Условия возникновения новых теорий. Парадигмы, неявное знание и интуиция

• Специфика научной деятельности. Научное сообщество и проблемы коммуникаций в науке

- Эпистемологический анархизм в философии науки П. Фейерабенда
- Основные концепции проблемы познаваемости мира в философии и науке
- Основные концепции истины в философии и науке
- Эволюционная эпистемология: основные исследовательские программы, их

суть и представители

- Социология науки Р. Мертона
- Социология научного знания: основные направления и представители

- Психология науки: область исследований и основные современные направления
- Этические и философские аспекты проблемы когнитивных технологий в современном обществе
- Этические проблемы в сфере информационных технологий
- Компьютерное моделирование как метод научного познания
- Этические проблемы применения искусственного интеллекта
- Научный стиль. Его языковые и структурные особенности
- Наука и искусство

ТЕМЫ ЭССЕ

- Проблема зарождения науки. Донаучное знание.
- Математика и естественные науки. Юджин Вигнер: «Необъяснимая эффективность математики в естественных науках».
  - Почему математика хорошо описывает реальность.
  - Теорема Гёделя и косвенные доводы против возможности сведения человеческой психики к машине.
  - Основные интерпретации квантовой механики.
  - «Антропный принцип» в философии космологии.
  - Репрезентация как познавательная операция в научном познании.
  - Проблема репрезентации в процессе обучения и образования как «восхождения к всеобщему».
    - Основные принципы репрезентации знания в информационном пространстве.
      - Специфика практики репрезентации знания в социальных сетях.
      - Репрезентация научного знания в библиотеке.
      - Репрезентация автора-ученого в его публикациях.
      - Музей как пространство знания.
      - «Опространствление» науки.
      - Репрезентация научного знания в искусстве.
      - Трансформация механизмов репрезентации научного знания в истории.
      - Репрезентация научного знания в массовой культуре.
      - Репрезентация научного знания в мид-культуре.
      - Методы репрезентации научного знания в СМИ.
      - Техника как детерминанта общественного развития.
      - Техноэтика как прикладная этика.

- Техноэтика как профессиональная деятельность проектировщика, инженера, техника.
- Традиционные и новые проблемы биоэтики.
- Нравственные проблемы коммуникации информационного общества.
- Проблема определения понятия «общества знания». Соотношение понятий «общество знания» и «экономика знания». Основные характеристики общества знания.
- Проблема интерпретации сущности «информации» в философии и различных науках.
- Влияние информационно-технологической революции на научно-техническую сферу.
- Новая социальная роль знаний. «Знаниевый товар» и свободный доступ к знаниям
- Роль науки в современном обществе знания.
- Социально-технологические проблемы глобализации науки.
- Цифровые гуманитарные науки – естественное продолжение и расширение традиционной сферы гуманитарных наук или замена / отказ от традиционного гуманитарного знания?
- «Манифест Digital Humanities» и проблема основополагающих принципов исследования в Digital Humanities.
- Digital Humanities и проблема междисциплинарности. Можно ли рассматривать информацию как общий объект, объединяющий различные перспективы в рамках цифровой гуманитаристики?
- Теория информации как общенаучная методология.
- Проблема выработки концептуальной системы Digital Humanities.
- Прикладные методы цифровых гуманитарных наук – статистическая обработка данных, контент-анализ, «визуализация», дизайн и др.; анализ и использование новых медиа, привлечение технологий трехмерного моделирования и реконструкции исторических объектов; технологии VR, AR; компьютерные игры.
- Инфраструктура образовательных и научно-исследовательских практик в области Digital Humanities.
- Digital Humanities и перспективы цифрового воссоздания мира исторических эпох.
- Культуромика как метод гуманитарного исследования, форма вычислительной лексикологии, нацеленная на изучение поведения человека и культурных тенденций с помощью количественного анализа оцифрованного текста.

- Виртуальная реконструкция.
- Историческая информатика и Digital history («цифровая история»): проблема соотношения.
  - Digital history: предметное поле и основные направления, характеризующие содержание.
  - Прикладная визуализация: виртуальная реконструкция объектов культурного наследия, пространственная репрезентация в исторических и археологических исследованиях.
    - Концепция «открытых исследовательских данных» (Open data).
    - Концепция «больших данных» (big data).
    - Сетевая модель данных в цифровых гуманитарных науках.
    - Визуализация данных в цифровых гуманитарных науках.
    - Понятие и основные характеристики «общества знания».
    - Проблема интерпретации сущности «информации» в философии и различных науках.
    - Влияние информационно-технологической революции на научно-техническую сферу.
    - Digital Humanities: проблема определения и специфика предметного поля.
    - Основные направления научно-образовательной деятельности в Digital Humanities.
  - Современная историческая наука в условиях цифровых вызовов.
  - Методологические основания цифровой гуманитаристики.
  - Исследование текстов и их компьютеризированный анализ.
  - Визуализация, научная визуализация, информационная визуализация.
  - Цифровая культура, взаимодействие технологий и культуры.
  - Демократизация знания и проблема open access (открытый, свободный доступ к данным).
    - Исследование социокультурных последствий цифровых технологий, критический анализ их возможностей и ограничений.
    - Интернет вещей: как изменится наша жизнь на очередном этапе развития Сети.
    - Основные концепции технологической сингулярности.
    - Влияние Интернета на изменения принципов мышления (Н. Карр «Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами»).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ XX-XXI вв

<i>Направление</i>	<i>Какую основную проблему решало</i>	<i>Основной тезис</i>	<i>Основные термины</i>	<i>Представители</i>
ПРАГМАТИЗМ	Что такое истина и как о ней возможно говорить	Истинным является то, что работает и приносит пользу	<p>Дефляционная теория истины объявляет, что приписывать некому утверждению свойство быть истинным не значит делать его истинным.</p> <p>Фаллибилизм — концепция, согласно которой знание не создается в готовом виде, но набрасывается методом проб и ошибок в ходе решения тех или иных практических задач.</p> <p>Неопределенность перевода указывает на невозможность точного и внеконтекстуального понимания тех или иных слов в языке.</p> <p>Ирония и случайность — идея о том, что наши убеждения являются случайными и, следовательно, ни один человек не имеет монополии на истину.</p>	<p>Ч. Пирс Дж. Дьюи У. Джеймс У. Куайна Р. Рорти</p>

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ	<p>Где искать фундамент человеческого знания, если не сводить его к химическим процессам в мозге?</p>	<p>Любое знание первоначально есть явления (феномены) в сознании человека. Интенциональность — свойство сознания быть направленным на объект.</p>	<p>Ноэма — способ, которым сознание мыслит свой объект (желает его, боится его и т. п.).</p> <p>Жизненный мир (Lebenswelt) — способ человеческого представления знакомого, повседневного мира в его целостности и привычности.</p> <p>Феноменологическая редукция — одно из центральных понятий феноменологии Э. Гуссерля, связанное с процессом освобождения сознания от естественной установки («наивного» взгляда на мир, видящего вещи существующими вне нас); вынесение за скобки обсуждения реального статуса вещей и сосредоточение на самих переживаниях сознания.</p> <p>Эпохе (от греч. epochē — удержание, самообладание, воздержание от суждений) — феноменологический способ рассуждения, предполагающий концентрацию на том, как мы представляем вещи, и запрет на спор о том, в чем состоит реальность вещей.</p> <p>Вот-бытие (Dasein) — термин Хайдеггера, указывающий на первичное переживание присутствия человека в мире и его конечность</p>	<p>Э. Гуссерль М. Хайдеггер А. Шюц М. Мерло-Понти</p>
----------------------	---	---	--	--

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ	Как можно осмыслить конкретную человеческую жизнь в мире?	Человек конечен, обречен на свободу и вынужден бороться с миром за смысл своего существования.	<p>Экзистенция — человеческое существование, лишённое заданных заранее свойств и связанное со свободой выбора; открытый в будущее проект человека.</p> <p>Заброшенность — переживание конечности и абсурдности существования, осознание бессмысленности своего пребывания в мире.</p> <p>Тревога — переживание единства с другими людьми и ответственности за свой выбор перед ними.</p> <p>Пограничная ситуация — момент трагического выбора, в котором заведомо нет хороших вариантов (например, предательство возлюбленной или смерть), проходя через который человек одновременно понимает, кто он, и делает себя таковым.</p> <p>Другой — столкновение с сознанием и экзистенцией второго человека, принятие существования иного сознания и переживание его (например, в любви).</p>	<p>А. Камю Ж.-П. Сартр П. Тиллих Э. Чоран Г. Марсель</p>
СТРУКТУРАЛИЗМ	Из чего сделана культура, если вынести индивида за скобки?	В основе самых разных культурных явлений лежат структуры, построенные на противопоставлении фундаментальных понятий, например сырого как символа природного и приготовленного на огне как символа цивилизованного.	<p>Диахрония и синхрония — принципы изучения языка и, шире, любых явлений, предполагающие сравнение статических структур и изучение динамики этих структур во времени.</p> <p>Смерть автора — понятие, предполагающее, что каждый текст создается скорее как набор цитат и речь самого языка, чем как автономное высказывание некоторого индивидуального человека-личности.</p> <p>Эпистема — совокупность представлений о накоплении, хранении и воспроизводстве знаний, характерных для данной эпохи; структура знания.</p> <p>Дисциплинарное общество — социальная структура современности, характеризующаяся особой моделью накопления власти через бюрократические институты государства, такие как тюрьма, полиция, школа, армия, психиатрическая клиника.</p>	<p>Ф. де Соссюр Р. Якобсон К. Леви-Стросс Ж. Лакан Р. Барт М. Фуко</p>

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ	<p>Почему вся предыдущая философская традиция Запада несостоятельна?</p>	<p>Слова, которые используют люди, определяют реальность, в которой они оказываются. Западная философия не осознает собственных предпосылок.</p>	<p>Деконструкция — методологическая процедура, предполагающая демонстрацию безосновательности всякого интеллектуального доказательства.</p> <p>Шизоанализ — описание общества и психической жизни человека по аналогии с экономикой, где место товарного производства занимает производство желаний.</p> <p>Симулякр — копия, у которой нет оригинала, основной тип объектов, с которым сталкивается современный человек.</p> <p>Постмодерн — состояние общества, которое потеряло веру в возможность фундаментальных ценностей.</p> <p>Нарратив – социально принятый тип повествования, который задает параметры повседневного и научного дискурсов, определяя правила и способы описания и интерпретации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство; повествовательные структуры, характеризующие определенный тип дискурса в различные исторические периоды.</p> <p>Ризома – понятие, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари для характеристики современной культуры, воплощение нового типа связей – нелинейных, хаотичных, бесструктурных, антииерархичных, множественных, запутанных.</p>	<p>Ж. Деррида Ж. Делез Ж. Бодрийяр Ф. Гваттари Ж.-Ф. Лиотар Дж. Агамбен</p>
--------------------------	--	--	---	--

НЕОПОЗИТИВИЗМ	Чем наука отличается от ненауки?	Научное знание может быть проверено опытом и подтверждено анализом языка.	<p>Верификация — процедура проверки суждений ученых опытом.</p> <p>Логический анализ языка — демонстрация точного смысла высказывания при помощи изучения его структуры.</p> <p>Протокольное предложение — базовая единица языка, используемая в науке для фиксации единицы опыта («В данный момент времени стрелка прибора указала на такое-то деление»).</p> <p>Физикализм — утверждение о том, что любое знание должно в конечном итоге сводиться к знанию, сформулированному в языке физики.</p> <p>Фальсификация — идея, согласно которой не проверяемость, но потенциальная опровержимость той или иной теории может быть свидетельством ее научности.</p>	<p>М. Шлик О. Нейрат Р. Карнап Л. Витгенштейн</p>
АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	Что такое язык и сознание?	Язык есть форма социальной игры, сознание представляет собой особую форму объяснения человеческого поведения при помощи языка	<p>Референция — связь слова со своим значением, природа которого активно дискутировалась в традиции.</p> <p>Ключевой момент — указание на социальный характер умения правильно употреблять слова (у позднего Витгенштейна).</p> <p>Мысленный эксперимент — методологический принцип, предполагающий реконструкцию и анализ воображаемой ситуации, связанной, как правило, с различными парадоксами в работе сознания.</p> <p>Функционализм — теория в аналитической философии сознания, согласно которой сознание есть функциональное состояние мозга, подобно компьютерной программе как состояния процессора.</p> <p>Квалиа — уникальное состояние сознания «от первого лица», которое невозможно выразить иначе, чем пережив его.</p>	<p>Л. Витгенштейн Б. Рассел Дж. Остин Д. Армстронг Дж. Серл Д. Деннет Т. Нагель</p>

ГЕРМЕНЕВТИКА	Как возможно понимание?	Истолкование мира возможно на основе тех же моделей, что и истолкование текста.	<p>Герменевтический круг — парадоксальное свойство процесса понимания, предполагающее, что для того, чтобы знать целое (например, замысел литературного произведения), мы должны знать его части (из каких предложений языка оно состоит), и наоборот, правильное представление о частях предполагает знание о целом.</p> <p>Горизонт понимания — представления о мире, которые характерны для автора текста, читателя или участника диалога; процесс понимания описан как взаимное сближение горизонтов понимания.</p> <p>Коммуникативный разум — представление о том, что мышление человека возможно как диалог с другими людьми в языке и обществе.</p>	<p>Г-Г. Гадамер К-О. Апель Ю. Хабермас</p>
НЕОМАРКСИЗМ	Как можно бороться за освобождение человека в современном мире?	Капитализм в XX веке изобретал новые формы эксплуатации человека: через иллюзорные ценности успеха, демонстративного потребления, в том числе потребления массовой культуры.	<p>Отчуждение — термин Маркса, означающий в экономике передачу произведенного работником товара собственнику предприятия, а в более широком контексте — ситуацию, при которой жизнь человека проходит на работе, в обществе и культуре, которые угнетают его творческое начало.</p> <p>Общество потребления — стадия развития капитализма, в которой социальная жизнь людей сводится к потреблению промышленных товаров, услуг и массовой культуры (голливудских фильмов, модных романов).</p> <p>Одномерный человек — стремящийся к успеху потребитель-конформист, благодаря которому становятся возможны все формы несвободы, бедность, расизм, угнетение женщин.</p>	<p>Э. Фромм Г. Маркузе Т. Адорно</p>

КОНСТРУКТИВИЗМ	<p>Насколько «реальными» являются социальная действительность и человеческое знание о ней?</p>	<p>Познание – активное построение субъектом интерпретации (модели) мира, а не простое его отражение. Знание является продуктом социального и культурного конструирования. Также процесс познания понимается как деятельность по самовоспроизводству и самосохранению живой системы.</p>	<p>Аутопойезис – самовоспроизводство живых существ и образуемых ими систем (включая человека и общество); способность к порождению, «строительству» самих себя.</p> <p>Социальный конструкционизм – представление о социальной реальности как о совокупности социальных конструктов.</p> <p>Социальный конструкт – это порождение конкретной культуры или общества, существующее в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определенным условным правилам.</p> <p>Личностный конструкт – оценочная система, которая используется индивидом для классификации различных объектов его жизненного пространства.</p> <p>Конструктивный альтернативизм – философская установка, согласно которой реальность может интерпретироваться людьми множеством разных способов на основании «конструктивных альтернатив» (то есть различных точек зрения на реальность, индивидуальных моделей реальности).</p>	<p>Варела Ф. Матурана У. Бергер П. Лукман Т.</p>
-----------------------	--	---	--	---

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Методология науки и инновационная деятельность: Пособие для аспирантов, магистров и соискателей / В.П. Старжинский, В.В. Цепкало – М.: НИЦ Инфра-М; Мн.: Нов. знание, 2013 – 327 с. – <http://znanium.com/bookread.php?book=391614>.
- История и философия науки: Учебное пособие / Э.В. Островский. М.: Вузовский учебник: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 328 с. – <http://znanium.com/bookread.php?book=369300>.
- Философия и история науки: Учебник / Е.А. Гусева, В.Е. Леонов. – М.: НИЦ Инфра-М, 2013. – 128 с. – <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=356848>.
- История и философия науки: Учебное пособие / М.В. Вальяно; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. 208 с. – <http://znanium.com/bookread.php?book=244728>.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Философия [Электронный ресурс]: учебник / Миронов В.В. – М.: Проспект, 2017. – 240 с. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392229895.html>
- Этика в сфере информационных технологий [Электронный ресурс] / Малюк А.А., Полянская О.Ю., Алексеева И.Ю. – М.: Горячая линия – Телеком, 2011. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785991201971.html>
- Этика и современность [Электронный ресурс]: учеб. пособие / М.П. Данилкова – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785778217614.html>
- Кутырёв В.А. Постчеловеческая революция как результат технологизации человеческого мира / Наука. Мысль. 2017. № 1-3. С. 45-49. https://elibrary.ru/download/elibrary_27703029_14666116.pdf
- Кризисное сознание в контексте глобализационных процессов [Электронный ресурс] / Рассказов Л.Д. – Красноярск : СФУ, 2013. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785763828450.html>
- Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст [Электронный ресурс]: монография / Чумаков А.Н. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 496 с. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392195732.html>

- Философия языка и коммуникации [Электронный ресурс] / Мечковская Н.Б. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2017. – 517 с. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976525641.html>
- Философия языка [Электронный ресурс] : учеб. пособие / С.А. Песина. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 376 с. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976517875.html>
- Методологические проблемы современного гуманитарного познания [Электронный ресурс] / Павлов А.В. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 325 с. – <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976516458.html>

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

www.edu.ru – сайт Министерства образования РФ

<http://elibrary.ru/defaultx.asp> – научная электронная библиотека «Elibrary»

<http://phenomen.ru> – философия онлайн

<http://vphil.ru/> – Журнал «Вопросы философии»

<http://phenomen.ru> – философия онлайн

www.diss.rsl.ru – электронная библиотека диссертаций

<https://cyberleninka.ru/> – Научная открытая электронная библиотека

Александр Михайлович Дорожкин
Надежда Дмитриевна Асташова
Светлана Викторовна Шибаршина
Дмитрий Юрьевич Шаталов-Давыдов
Анна Владимировна Сахарова

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Учебное пособие

Электронное издание

Печатается в авторской редакции

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.